

АБСОЛЮТНОЕ
ОРУЖИЕ

ВАСИЛИЙ ГОЛОВАЧЁВ

НА СТРУНЕ

Абсолютное оружие

Василий Головачев

На струне

«ЭКСМО»

2018

УДК 821.161.1-312.9
ББК 84(2Рос-Рус)6-44

Головачев В. В.

На струне / В. В. Головачев — «Эксмо», 2018 — (Абсолютное оружие)

ISBN 978-5-04-094252-7

Свидетельница рождения Вселенной, космический экзот, гигантская суперструна, гравитация которой в разы превышает поле тяготения таких монстров, как Юпитер, приближается к Солнечной системе, притягивая к себе и разбивая на куски планеты, астероиды и... космические корабли, встретившиеся на пути. Похожий объект, только значительно меньше, полвека назад уже залетал в зону обитания людей, и Земля избежала катастрофы. Что это было тогда? Пробный «выстрел»? Проверка на стойкость? А теперь? Кто-то решил гарантированно очистить пространство будущей экспансии или это трагическое совпадение, которых в космосе не счесть? На эти вопросы предстоит ответить майору Денису Молодцову, командиру экспедиции на струну, готовому искать неожиданные решения в нестандартных ситуациях. Готовому не жалеть себя во имя людей. Готовому ко всему...

УДК 821.161.1-312.9
ББК 84(2Рос-Рус)6-44

ISBN 978-5-04-094252-7

© Головачев В. В., 2018
© Эксмо, 2018

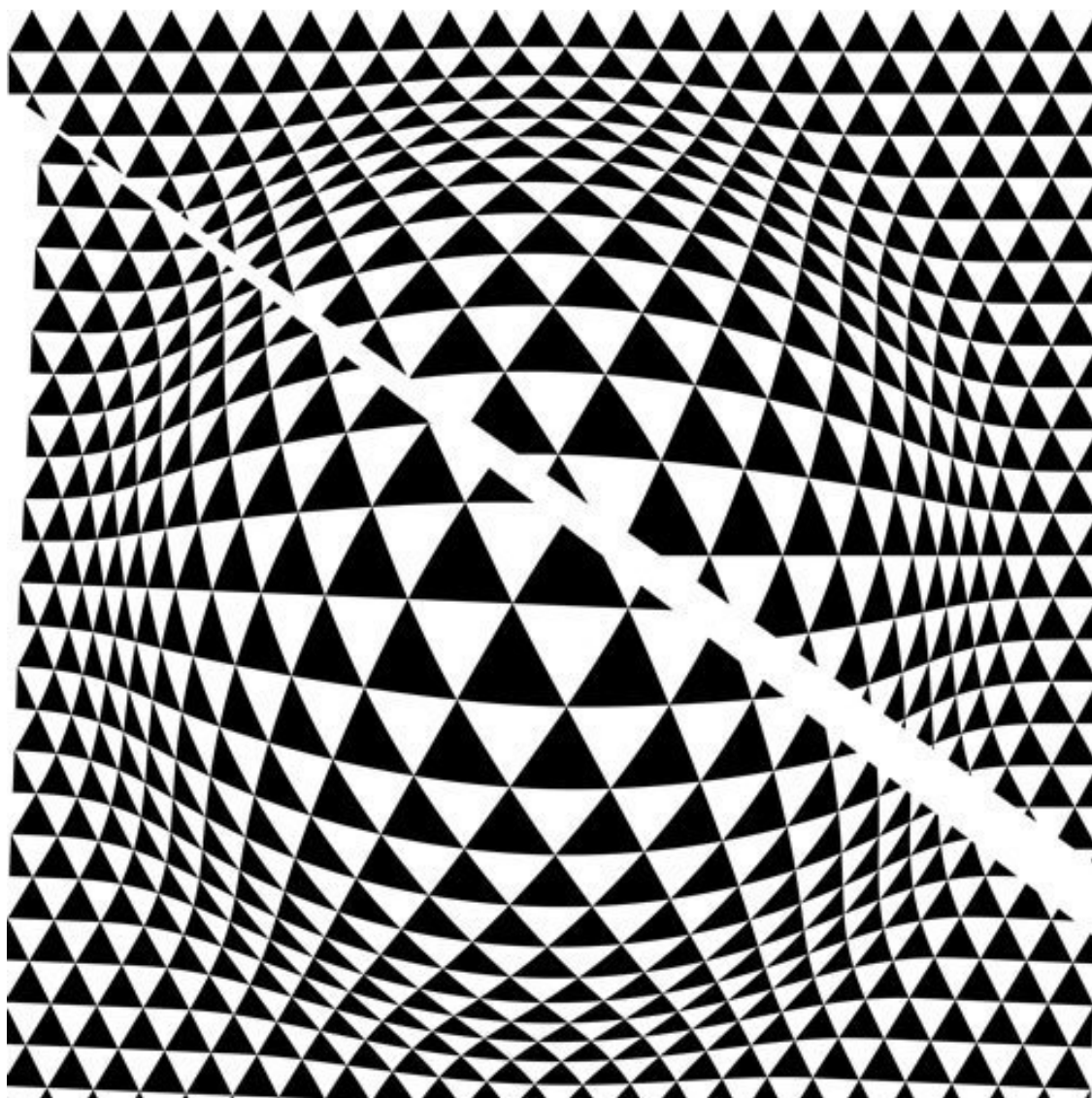
Содержание

Иллюстрация 1	5
Иллюстрация 2	10
Иллюстрация 3	17
Иллюстрация 4	28
Иллюстрация 5	34
Конец ознакомительного фрагмента.	42

Василий Головачёв

На струне

Иллюстрация 1

Станция наблюдения за планетным кластером, который местные разумные обитатели – люди – называли Солнечной системой, находилась на периферии системы, далеко за орбитами всех больших планет.

Вокруг станции в пределах прямой видимости плавали небольшие космические тела, состоящие практически целиком из водяного льда с вкраплениями пыли и замёрзших газов, хотя в этом кольцевом рое планетоидов, окружавших Солнечную систему, встречались и более крупные объекты наподобие крайней планетки системы – Плутона. А чуть подальше – в облаке Оорта, скоплении планетезималей и пылевых струй, представлявших собой «строительный мусор» Солнечной системы, оставшийся после её формирования, имелись планеты, сравнимые по размерам с планетами внутренними. Их орбиты были очень вытянутыми, поэтому в

системе они появлялись редко, исчезая на тысячи лет из поля зрения людей, уходя от Солнца на десятки и сотни тысяч астрономических единиц¹.

Одна из них, прозванная людьми Нибиру, уже прошла афелий² и повернула к Солнцу, чтобы через какое-то время прошествовать мимо внутренних планет – Марса, Земли и Венеры.

Впрочем, морлоков – так на языке жителей станции звучало название их расы – это обстоятельство не волновало. Они были существами «чистого интеллекта», абсолютно лишёнными эмоций, и внешне напоминали покрытых шерстью драконов с земного острова Комодо, только прямоходящих, отчего издали их можно было спутать с людьми.

Неудивительно, что как раз люди довольно точно описывали физический вид морлоков и рисовали их такими, какими они являлись в реальности. Морлоки уже посещали Землю в прошлые времена, миллионы лет назад, и даже успели пополнить земной генофонд, оставив после спаривания с земными млекопитающими потомков, почти полностью ассимилировавшихся среди людей. Внесли они свой вклад и в духовное развитие землян в виде культов, в центре поклонения которых был дракон. И основными приверженцами этих культов являлись китайцы и метисы син-расы, почти исчезнувшие к настоящему моменту: индейцы, монголоиды и этнически близкие к ним группы азиатского региона Земли.

Интерес к третьей планете и вообще к Солнечной системе у морлоков то гас, то разгорался, в зависимости от социально-ресурсной обстановки на родных планетах созвездия Змееносца – как называли земные астрономы область галактики, заселённую драконами. Миллионы лет назад морлоки прилетали как исследователи, потом долго не появлялись в окрестностях Солнца, занимаясь внутренними проблемами и разборками с соседями. Но полсотни лет назад снова выслали отряд наблюдателей, теперь уже имея к Солнечному кластеру практический интерес. Население планет расы превысило демографический предел, и морлокам требовалось найти ещё одно звёздное пристанище. Для этого на окраину Солнечной системы и была отправлена станция, в обязанности персонала которой входила оценка физических параметров внутренних планет и средств для подготовки экспансии. Обычное рутинное дело. Такое уже случалось не раз, когда подходящие для заселения системы других звёзд надо было очистить от менее развитых существ. Ничего личного, жизненная необходимость, не более того.

Впрочем, надо отдать должное морлокам: они добросовестно изучили каждую планету кластера, чтобы составить мнение о потенциале системы и получаемых в распоряжение природных запасах. Но выбор сделали однозначный: третья планета, населённая людьми, всё равно являлась лучшим вариантом для переселения. Единственное, что требовалось, – поднять общую температуру атмосферы планеты на тридцать градусов и насытить её водяным паром, так как родная планета морлоков представляла собой необычное сочетание каменистой пустыни и горячего болота, нагретого едва ли не до температуры кипения воды. Но работа по коррекции природы Земли не была проблемой, морлоки обладали нужными технологиями. Другие же планеты кластера требовали большего вложения сил и средств.

К моменту описываемых событий на станции работала смена специалистов в количестве девяти особей. Поскольку раса морлоков чётко делилась на сословия – от Высшего до Низшего, всего их насчитывалось шесть, то и служители станции относились к разным сословиям.

Руководил коллективом Драго Совершенный, он же – просто Главный. Его заместителем был Драго Обязанный, морлок уровнем ниже, на станции все звали его Счетовод.

В свою очередь у него в подчинении были операторы: Д-техник, Д-программист, Д-служитель и четыре Д-хлопотуна, в обязанности которых входила уборка станции и доставление удовольствий представителям высших каст. Все морлоки были двуполыми, и на Земле их называли бы гермафродитами.

¹ Единица измерения космических расстояний, равна среднему радиусу орбиты Земли = 149,5 млн. км.

² Афелий – самая дальняя точка орбиты планет.

Суточный режим планеты морлоков напоминал земной, хотя сутки на их планете были на два часа длиннее, и за пределами родной планеты он поддерживался неукоснительно. Так как они были хладнокровными существами (несмотря на высокую температуру окружающей их водной среды), то спали больше – по шестнадцать часов в сутки, превращаясь на ночь в застывшие скульптуры самих себя. Пробуждали их специальные аппараты, обдувающие морлоков горячим паром, и процедура эта длилась не меньше часа, пока они не приходили в себя. Зато потом действовали, думали и двигались быстро, не так, как их «близнецы» – драконы Комодо.

Дежурство на станции не доставляло особых хлопот. Оборудование и аппаратура наблюдения работали в автоматическом режиме. Менялись только программы да целевые установки, если вдруг Главного что-то заинтересовывало. А скуки морлоки не испытывали, как не испытывали и каких-либо нравственных переживаний. Основным посылом в будущее для них было желание жить в соответствии со своими представлениями, не считаясь ни с кем, кроме тех, кто принадлежал к сословию выше.

Так как морлоки давно владели способом преодолевать космические расстояния с помощью образования «нор» в вакууме, их не тревожило соседство с хозяевами Солнечного кластера. Их техника передвижения в пространстве превосходила возможности людей, хотя «драконы» не были её создателями. Способ достижения дальних звёзд и планет они позаимствовали у другой расы, практически уничтожив братьев по разуму. Поскольку станция была внедрена в тело одной из малых планеток, состоящей из льда и пыли, ей не нужно было иметь собственные двигатели. Однако в её ангаре имелся пересекатель пространства – транспортный модуль, способный в случае необходимости доставить смену исследователей на родную планету, которую отделяло от Солнечного кластера расстояние в шестьсот световых лет.

Правда, существовали правила и инструкции, нарушать которые обитатели станции не имели права. В данном случае, если им понадобилось бы вернуться домой или хотя бы прошвырнуться по Солнечной системе, Главному необходимо было получить разрешение на вояж. Что снижало вариативность деятельности экипажа, зависящей от указаний свыше.

Поздно вечером по внутреннему времени станции базовый вычислитель и коллектор информации, аналогом которому мог бы стать один из компьютеров земных национальных космических агентств, сообщил оператору о колебаниях гравитационного фона в тылу пояса Койпера.

Оператор – в данный момент это был Д-техник, прозванный коллегами за медлительность Столбом – завис над консолью управления станцией, размышляя над полученными сведениями. Оценил состояние космоса в пределах обозреваемой зоны. Обнаружил небольшие колебания тел пояса Койпера, однако не усмотрел в этом явлении признаков угрозы.

Во-первых, оно проявилось достаточно далеко от станции. Во-вторых, это движение напоминало реакцию снежно-пылевого облака на пролёт внутри него крупного объекта, породившего ударную волну в виде двух разлетающихся струй камней и ледяных глыб. Причём обе струи как бы обходили станцию с двух сторон далеко за пределами зоны безопасности. Планетоиду и самой станции эти струи не угрожали.

Поэтому, передав управление автоматам, Столб спокойно отправился спать в свой отсек. Однако ему не следовало этого делать.

Нарушения в медленном движении пояса Койпера вокруг Солнца были вызваны не спонтанным вторжением в облако обычного обломка льда или окаменевшей пыли, а появлением объекта иного плана, предвидеть встречу с которым не мог никто из морлоков. Да и людей тоже.

Этот объект представлял собой идеально прямой стержень, если можно было назвать стержнем струну толщиной почти в элементарную частицу, но обладавшую чудовищной силой

притяжения. Гравитация этого стержня-струны превосходила гравитационное поле трёхсот таких планет, как Земля.

Путешествовал он в космосе миллиарды лет с момента рождения Вселенной и за время путешествия оброс таким количеством пыли, газа и льда, что стал похож на трубу, диаметр которой кое-где достигал значительных величин, до сотни километров и больше.

«Шуба» эта из пыли и каменных обломков распределялась по длине стержня неравномерно, а длина его превосходила расстояние от Земли до её спутника почти в десять раз.

Двигался этот странный стержень со скоростью, равной одной сотой скорости света³, но не так, как летит копё – остриём вперёд, а перпендикулярно пути своего движения, и концы стержня, обросшие горами собранного космического «мусора», превращавшие его в подобие гантели, как раз и баламутили негустой «суп» пояса Койпера, притягивая к себе мелкие койпероиды и дробя их на куски.

Возник стержень как привидение из глубин созвездия Стрельца, не потревожив тамошние звёзды. Но войдя в пояс материала, выброшенного из Солнечной системы, стал виден. Но не как звезда или комета, так как не светился сам, имея температуру космического пространства⁴, а благодаря своему гравитационному влиянию на планетоиды, мимо которых пролетал.

Вычислитель станции, определив потенциальную опасность сближения с экзотическим феноменом, включил сигнал тревоги, когда стержень-струна стал виден визуально – как тонюсенькая серебристая – в лучах далёкого Солнца – ниточка с утолщениями по всей длине. Однако просыпались хладнокровные морлоки медленно, весь процесс пробуждения, отогревания и инициации мыслительной деятельности длился не одну минуту, и когда Столб окончательно пришёл в себя, было уже поздно что-либо предпринимать. Экзотическая морлокская автоматика, не изменявшаяся на протяжении миллионов лет, не могла самостоятельно действовать, не получив соответствующую команду. Она подготовила аварийные системы и включила систему жизнеобеспечения транспортного модуля, но ждала приказа дежурного смены перейти на режим ЧС. Когда Столб появился в терминале управления станцией, счёт уже шёл на секунды.

Необычный длинномерный объект, попирающий все известные физические законы, приблизился к планетоиду, в недрах которого пряталась станция, и, несмотря на то что их разделяло приличное расстояние в одну тысячу длин (что соответствовало тысяче километров по земным меркам), притянул к себе планетоид с такой же лёгкостью, как человек при вдохе втягивает в себя пролетающего мимо комара.

Только в данном случае роль человека играла струна огромной массы, а роль комара – планетоид с «вклеенным» в него искусственным сооружением.

Всё произошло в течение очень короткого времени. Столб успел лишь выдать команду автоматике разбудить Главного и в надежде спастись бросился в отсек, где стоял транспортный модуль. Но как быстро он ни бежал, добраться до отсека не успел.

Планетоид снесло к струне удивительного творения природы, причём ещё при рывке он начал дробиться на ледяные глыбы и крошиться на снежные комья, а осел на струне уже длинным хвостом снежной пыли и обломков льда, проделав не одно колебание наподобие маятника, то притягиваясь, то по инерции пролетая мимо струны.

Станция не выдержала первого удара, разрезанная почти пополам невероятно тонким «лезвием»: по ней прошла как раз самая тонкая часть мчавшегося с космической скоростью стержня, свободная от утолщений льда и пыли. Обе половинки станции миновали «лезвие», но далеко не улетели, задержанные и увлечённые вслед за продолжавшим полёт «лезвием» силой гравитации. Вскоре они догнали стержень-струну, столкнулись с ней, и ещё не один раз,

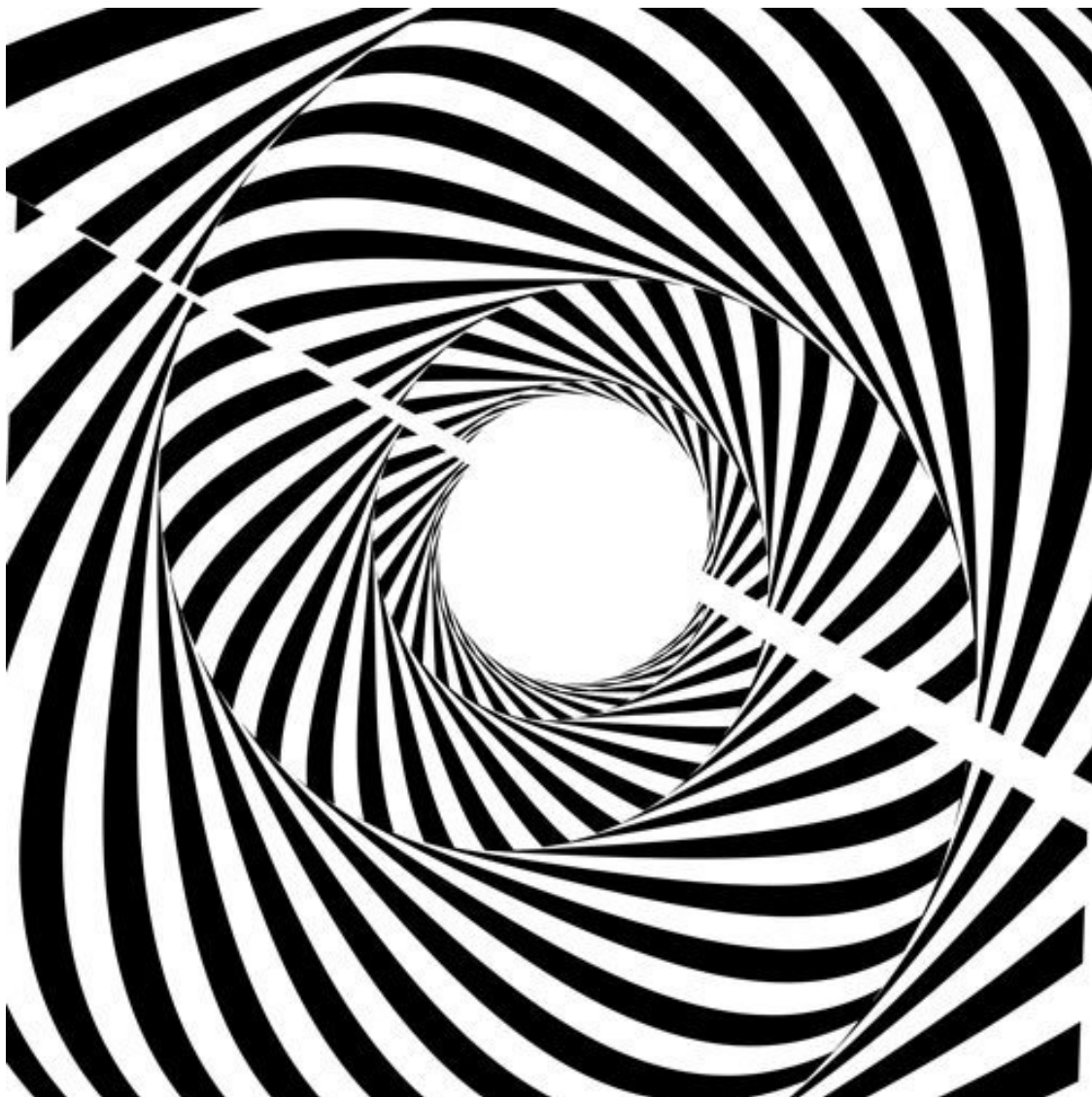
³ Скорость света равна 300 000 км/с.

⁴ Температура космического пространства равна – 273 °С (близка к абсолютному нулю).

прежде чем успокоиться в глубине огромного снежно-ледяного кома – остатков разбившегося планетоида.

Но морлоки, успевшие проснуться, защищённые особыми конструкциями жилых отсеков станции, уцелели...

Иллюстрация 2

Российская астрофизическая обсерватория «Миллиметрон» была запущена в космос в две тысячи двадцать втором году и не зря до сих пор считалась одной из крупнейших астрономических станций, работающих в автоматическом режиме. Поместили её в точке Лагранжа⁵ на расстоянии полутора тысяч километров от поверхности Земли, где практически заканчивалась атмосфера планеты и отсутствовал космический мусор: отслужившие свой срок спутники, их обломки и твёрдые частицы.

Обсерватория изначально была оборудована зеркальным телескопом с диаметром зеркала в десять метров, сформированным двадцатью четырьмя лепестками, и высокочувствительными датчиками излучений субмиллиметрового и миллиметрового диапазона⁶, обладающими уникальным угловым расширением, превышающим возможности человеческого глаза в миллиарды раз. Кроме того, обсерваторию снабдили щитом из пяти экранов, защищающем её от солнечного излучения.

---

⁵ Точка Лагранжа – район космоса, где гравитационная сила Земли уравновешивается центробежной силой.

⁶ С длиной волны от 0,02 до 17 миллиметров.

За истекшие с момента запуска «Миллиметрона» пятьдесят три года оборудование обсерватории не раз менялось и обновлялось, но она по-прежнему считалась великолепным инструментом исследования комет, астероидов, космической пыли, газовых облаков и экзопланет, открытых у других звёзд Галактики.

Двадцать первого декабря две тысячи семьдесят восьмого года оператор отдела обработки астрофизических наблюдений, принадлежащего Астрокосмическому центру ФИАН имени Лебедева, Евгений Макошин наткнулся в компьютере на запись необычного явления на периферии Солнечной системы, полученную от станции «Миллиметрон», обзорающей радиант созвездия Стрельца далеко за орбитами планет, в поясе Койпера. В этом кольцевом облаке, вращавшемся вокруг Солнца, примерно в пятидесяти астрономических единицах, возникло небольшое возмущение в движении облака малых тел. Создавалось впечатление, что в облако вторгся невидимый объект большой массы и размеров, хотя телескопы обсерватории не смогли разглядеть нарушителя покоя. Будто он был невидимкой.

Заинтересованный открытием Макошин начал копаться в данных, поднял записи обсерватории за месяц до обнаружения феномена, однако ничего не нашёл. Тогда он связался с коллегой из отдела космической радиоастрономии и сообщил о своём открытии.

– Сан Саныч, посмотри свои файлы в Койпере, на радианте Стрельца, – добавил он. – Не случилось ли такого раньше? Может быть, это наконец проявилась пресловутая Нибиру?

– В этом районе ничего экзотического не наблюдалось, – ответил оператор центра. – Но я проверю.

Поскольку сорокачетырёхлетний Евгений Макошин был дотошным человеком и превыше всего в работе ценил скрупулёзное педантичное ведение дел, то он перво-наперво проверил все записи обсерваторий, подчинённых Астрокосмическому центру ФИАН, а потом позвонил директору центра доктору физических наук Стромалити.

– Понял вас, Евгений Иванович, – ответил ему шестидесятилетний, не по возрасту подвижный и активный учёный, всю свою жизнь посвятивший изучению комет и астероидов. – Продолжайте изучение материалов, а я свяжусь с коллегами из других епархий.

Он и в самом деле сделал несколько звонков в известные обсерватории мира, и вскоре с десяток телескопов в разных странах, а также находящиеся на борту космических станций – «Хаббл», «Гершель», «Спитцер», «Вебб», «Астрон» и другие, обратили свой взор на окраину Солнечной системы по вектору созвездия Стрельца.

Результаты не заставили себя ждать.

Первой о возмущении поля астероидных тел в поясе Койпера сообщила САО РАН – крупнейшая специальная астрофизическая обсерватория в Карачаево-Черкесии, расположенная между станцией Зеленчукской и посёлком Архыз. Она владела шестиметровым оптическим рефлектором БТА и кольцевым радиотелескопом РАТАН-600 диаметром в шесть сотен метров. К тому же на её территории недавно заработала новая система из двенадцати малых телескопов.

Директор обсерватории Цорендоржиев проконсультировался со своими подчинёнными, операторы настроили телескопы и уже на следующий день получили данные, подтверждающие результаты наблюдений «Миллиметрона». В поясе Койпера, на расстоянии в семь с половиной миллиардов километров от Солнца, действительно появился некий невидимый, но чрезвычайно массивный фактор, возмущающий движение тел роя астероидов и ядер комет. Что-то приближалось к внешней зоне Солнечной системы извне, причём с приличной скоростью – три тысячи километров в секунду.

Ответили директору центра ФИАН и другие обсерватории: в Чили, в США, Канаде, Мексике и в Европе. Вывод был однозначным: в Солнечную систему направлялся аттрактор планетарного масштаба, хотя по-прежнему ни один телескоп землян не видел его носителя. Заметны

были лишь косвенные следы его движения – как два волновых уса на воде в кильватере плывущего судна.

На всякий случай Стромалити позвонил генералу Бойко, давнему приятелю, директору Центра национальной системы контроля космического пространства, созданного в две тысячи двадцать первом году в недрах Воздушно-космических сил России, и попросил его проанализировать полученную информацию на предмет предполагаемой угрозы.

Бойко пошутил по этому поводу: ты что, Роман Петрович, где мы, а где пояс Койпера? – но пообещал сделать всё возможное и слово сдержал. Через два дня он сообщил Стромалити о выводе специалистов Центра, заинтересованных явлением, а результаты расчётов доложил командующему ВКС генералу Бояринову.

Генерал, в отличие от него, шутить не стал. Ближе к концу двадцать первого века космос преподнёс человечеству не один неприятный сюрприз, швыряя к Солнцу кометы и крупные астероиды, и не перестал относиться к людям добрее. По Солнечной системе продолжали летать опасные объекты, грозящие Земле космическим апокалипсисом, а начавшаяся с двадцатых годов новая гонка вооружений и вовсе держала в страхе правительства земных государств, пытавшихся утихомирить американскую и прочую военщину.

Бояринов созвал совещание, обсудил со своими экспертами степень угрозы со стороны пока ещё далёкого объекта в поясе Койпера, к работе подключились комплексы радиотехнического контроля, оптико-электронные системы обнаружения космических форс-мажоров, расположенные в Калининграде, в Московской области, Алтайском крае и на Дальнем Востоке, затем заработало Лунное Око – комплекс радиотелескопов на Луне, и началось то, что психоаналитики называли «эффектом домино». Сначала в астрономических кругах, потом в военных родилась сенсация: к Солнцу направлялся «Бич Божий», по выражению Ватикана, который должен был «наказать людей за грехи их тяжкие».

* * *

Отреагировало на сенсацию и военное руководство России.

Министр космической обороны генерал Кочергин выслушал доклады командующего ВКС и директора ФИАН, разобрался в причинах суматохи и вызвал на совещание кроме ответственных за оборонные решения командиров ещё и главу Национального центра экстремального оперирования в космосе генерала Стогова.

В Плесецке еще полстолетия назад была создана база НЦЭОК, обслуживаемая военными, которая подчинялась командующему ВКС. База имела свой космодром и по оснащению не уступала аналогичным комплексам других стран, зарекомендовав себя как мощная структура, способная решать проблемы в любом районе Солнечной системы.

К моменту вызова Стогов, кряжистый великан с добродушным лицом детского врача, находился в одном из институтов ВКС в Подмосковье и на совещание прибыл со своим заместителем, полковником Верником, командиром ОГАС – особой группы аварийного спасения в космосе.

Всего в кабинете министра в этот ранний утренний час двадцать восьмого декабря собралось шесть человек: сам хозяин кабинета, директор Центра национальной системы контроля космического пространства генерал Бойко, глава НЦЭОК Стогов, полковник Верник, генерал Каминский, глава Экспертного совета Министерства обороны, и директор Центра управления полётами генерал Сароян.

Кочергин не любил начинать совещания с неторопливого чаепития, все это знали и, заняв места за круглым столом у окна кабинета, сразу раскрыли планшеты.

Министр бросил взгляд на экран своего рабочего кванка⁷, как стали называть компьютеры с момента внедрения квантовых технологий, и оглядел сосредоточенные лица присутствующих.

– Товарищи, в связи с внезапным появлением так называемого Бича Божьего возникла щекотливая ситуация. Мы первыми его обнаружили, то есть я хочу сказать – первыми Бич обнаружили наши астрономы, однако американцы отреагировали быстрее и уже готовят экспедицию в пояс Койпера. Поэтому речь пойдёт не столько об оценке степени опасности, которую несёт этот необычный объект, сколько о наших возможностях послать в зону Койпера поисково-исследовательскую группу. Но сначала уточним детали происшествия и обсудим причину. Виталий Васильевич, вы начнёте?

Бойко посмотрел на Каминского.

– Все материалы мы передали нашим экспертам.

Каминский, худой, седой, с косматыми бровями и чёрными глазами учёного фанатика, готового сжечь полмира ради реализации своих идей (на самом деле он был очень ответственным человеком), в свою очередь посмотрел на министра обороны.

– Разрешите, Михаил Довлатович?

– Без церемоний, Гелий Ромуальдович.

– Мы считаем, что имеем дело с экзотом, о каком успели забыть.

– Экзотом?

– Объектом с экзотическими характеристиками. Полста лет назад, когда многие из нас ещё под стол пешком ходили, в Солнечную систему уже залетало нечто подобное, если кто помнит.

– Вы имеете в виду суперстринг? – уточнил Стогов.

– Совершенно верно, Семён Сергеевич. Пятьдесят три года назад Систему пересекла так называемая суперструна, которую обследовали наши космонавты во главе с майором Денисом Молодцовым.

Присутствующие оживились.

– Насколько мне помнится, к этой струне летали не только наши парни, – сказал Бойко. – Там побывали и американцы и китайцы.

– Произошла любопытная история. Пилоты американского шаттла не смогли оценить опасность сближения с объектом, их снесло к струне, и наши ребята помогли им выбраться из гравитационной ямы.

– То есть эта ваша суперструна – гравитационная яма? – сказал Бояринов.

– Не совсем так, но масса струны очень велика.

– Что же это, по-вашему?

– Совершенно конкретный объект, подтверждающий теорию рождения нашей Вселенной в результате Большого Взрыва.

Присутствующие переглянулись, однако никто не выразил своего отношения к сказанному в форме скептической улыбки.

Кочергин кивнул. Он был самым молодым из совещающихся, вообще самым молодым министром обороны в истории России, и, как все убедились, самым продвинутым и эрудированным.

– Продолжайте, Гелий Ромуальдович.

– Такие объекты возникали в первые микросекунды начавшегося инфляционного расширения Вселенной, наравне с первичными чёрными дырами и флуктуациями, и они являются реализацией «растяжки» микропетель и колец суперструн до макромасштабов. По сути это одномерные, релятивистские, суперсимметричные, протяжённые объекты с гигантской мас-

---

⁷ Аббревиатура слов «квантовый компьютер», компьютер, способный общаться с пользователями как человек.

сой. По тем материалам, которые нам стали доступны после пролёта струны пятьдесят лет назад, можно судить, что то была струна типа Грина-Шварца...

– А есть и другие?

– Совершенно верно, по именам изучавших особенности струн физиков.

– Не отвлекайтесь, товарищи, – сказал Кочергин.

– В общем, такие струны теоретически могут иметь космические размеры – тысячи и даже миллионы километров.

– Почему теоретически?

– До тех пор пока мы не встретились с одной суперструной на практике, считалось, что суперструны – всего лишь удачный и красивый математический феномен. Но природа нас посрамила, показав, что экзоты – реальные объекты и субъекты её жизни. Со всеми подробностями полёта к суперструне команды Молодцова вы можете ознакомиться в базе данных РАН и ФСБ под названием «Соло на оборванной струне».

– Я ознакомился, – сказал Кочергин, глянув на циферблат коммуникатора на руке. Сероглазый, узколицый, с твёрдыми губами и широким подбородком, он олицетворял собой энергичного, знающего цену времени человека. – Вы полагаете, к нам возвращается та самая суперструна?

– Не уверен, Михаил Довлатович. По косвенным прикидкам длина нынешней струны достигает как минимум трёх миллионов километров, в то время как длина пролетевшей пятьдесят лет назад не превышала четырёх тысяч километров.

– Всего, – усмехнулся Кочергин.

– Сравнительно, конечно, – смутился Каминский.

– Чем это может грозить нашей космической инфраструктуре?

– Если струна приблизится к Земле на расстояние, сравнимое с тремя радиусами вращения Луны, произойдёт глобальная катастрофа! Земля сойдёт с орбиты, возбудятся вулканы, цунами смоят все прибрежные города и страны. Такой сценарий не раз использовали писатели-фантасты и режиссёры фильмов-катастроф. Думаю, разница всех этих сценариев только в деталях. Речь идёт не о разрушении космической инфраструктуры, которая не так уж и велика, а об исчезновении человечества.

– Но ведь до пояса Койпера далеко.

– Судя по приблизительным оценкам движения Бича Божьего, – сказал Бойко, – его скорость близка к трём тысячам километров в секунду. Это означает, что если он продолжит лететь к Солнцу с такой же скоростью, к зоне внутренних планет, начиная с Марса, он приблизится через месяц.

– Плюс-минус трое суток, – добавил Каминский, – в зависимости от реальной скорости движения.

В кабинете установилась хрупкая тишина.

– Мы ничего не успеем предпринять, – севшим голосом проговорил Бояринов.

– Сбить, – сказал тёмнолицый черноглазый Сароян.

– Нереально, – покачал головой Каминский. – Масса таких струн может превосходить массу Земли в несколько раз. Её не остановит никакой ядерный взрыв.

– Переселение?

– За оставшееся время подготовить флот и переселиться на другие планеты нереально. Да и куда переселяться? До ближайших звёзд мы ещё не добрались по большому счёту, а на соседних планетах имеем только исследовательские городки и заводы. Даже на Марсе не успеем устроиться.

– Переселение – не решение проблемы, – сказал Сароян.

– А что, по-вашему, является решением?

Начальник ЦУПа пожал плечами:

– Пока не знаю, если честно. Надо обсудить проблему всем миром, пусть учёные предложат способ остановить или в крайнем случае повернуть Бич Божий. Не понимаю, почему молчат американцы. Обычно они первыми начинают кричать об угрозе человечеству.

– Обвиняя при этом Россию, – буркнул Бойко. – А в этот раз обвинять некого, вот они и решают, что делать. Может, учуяли выгоду? В чём? Что может дать суперструна, болтающаяся в космосе?

– Новые технологии, – сказал Бояринов.

– Не только, – качнул головой Каминский. – Она пролетела миллиарды световых лет, на неё налипло столько всего...

– Чего именно? Пыли и камней?

– Думаю, не только пыли, её могли посещать космические корабли иных цивилизаций.

– Что предлагаете, товарищи? – постучал пальцем по столу Кочергин.

Снова стало тихо.

– Надо лететь туда, – убеждённо сказал Стогов. – Оценить угрозу на месте.

– У вас конкретное предложение, Семён Сергеевич?

– Стогов и Верник переглянулись. Стогов кивнул.

– Группа КОСПАС готова к вылету в любой момент, – сказал полковник.

– Это прекрасно, однако даже если мы отправим её к поясу Койпера, – сказал Бойко, – прямо сейчас, группа доберётся до объекта не раньше чем через две недели. Наши машины, даже с генераторами Леонова, не летают быстрее тысячи километров в секунду.

– Маленькая поправка – не летали, – сказал Сароян. – Мы только что испытали космолёт новой конструкции, оснащённый преобразователем Лоренца. Наши испытатели называли его дыроколом.

– Как? – удивился директор Центра контроля.

– Дыроколом. Англичане называют его крякгеном – от английского crack – трещина, поскольку этот преобразователь делает дырки в вакууме или трещины.

– Я не знал, что уже готов работающий концепт.

– Не просто концепт – полноценный корабль, способный развивать почти световую скорость.

– Я не знал, – повторил Бойко с удивлением.

– Простите ради бога, Виталий Васильевич, – улыбнулся Кочергин. – Мы не афишировали работу над проектом «Енисей». Кстати, корабль тоже называли «Енисеем». Об испытаниях знали только разработчики и испытатели.

– Понятно, поздравляю. Кто испытывал корабль?

– Экипаж полковника ВКС Аурики Ветровой, – сказал Стогов. – Первокласные специалисты, прекрасно справившиеся с заданием.

– Параллельно с нами над созданием корабля с крякгеном работали и американцы, – добавил Сароян.

– Не только американцы, – сказал Кочергин. – И китайцы, и европейцы в ЕКА, и индийцы. Насколько нам известно, все они тоже близки к решению проблемы.

– Кроме европейцев, – уточнил Бояринов. – Они слишком поздно поняли возможности crack-эффекта.

– Но и у наших партнёров, и у нас всего месяц, что мы успеем сделать?

Присутствующие замолчали, переглядываясь.

– Сначала надо добраться до пояса Койпера, – хмуро сказал Сароян. – Убедиться, что мы не ошиблись и к нам действительно летит Бич Божий. А заодно натравить на нейтрализацию угрозы все наши учёные умы и найти способ избежать апокалипсиса.

Кочергин некоторое время рассматривал в глубине экрана тоненькую соломинку с узловатыми утолщениями по всей длине: это было изображение суперструны, пролетевшей сквозь

всю Солнечную систему пятьдесят три года назад. Переключил аккаунт и некоторое время разглядывал появившееся изображение: суперструна, получившая название Космическая Китайская Стена, пролетела мимо Солнца на расстоянии всего в три миллиона километров, и Солнце отреагировало на это гигантским протуберанцем.

Министр передернул плечами, поднял глаза на Стогова.

– Семён Сергеевич, сколько потребуется времени на подготовку экспедиции и полёт к объекту?

– Надо посчитать...

– Мне сегодня докладывать президенту о предпринятых мерах, нужны хотя бы прикидочные цифры.

Начальник Центра экстремального оперирования покосился на заместителя, несколько секунд изучал экран своего планшета.

– Подготовка не займёт много времени, день-два, не больше, да и полёт тоже. При минимальных нагрузках на генератор «Енисей» спокойно выдержит одну треть скорости света и долетит до Койпера за сутки.

Приглашённые оживились. На лице Бойко отразилось сомнение.

– Вы не заблуждаетесь насчёт световых скоростей, господа генералы? Нам действительно они доступны?

– Уже доступны, Виталий Васильевич, – проговорил Сароян. – Недалеко то время, когда мы начнём осваивать Солнечную систему по-серьёзному. Хотя даже владея космическими скоростями, сравнимыми со скоростью света, летать свободно по галактикам не сможем. Для этого нужны иные технологии.

– Я вас понял, товарищи, – сказал Кочергин. – Пока что по-серьёзному надо начинать работать с Бичом Божьим. И готовиться будем ко всему, в том числе – к глобальной панике, когда слухи о приближении Бича достигнут мировых соцсетей. Придётся думать и об эвакуации населения, и о защите космодромов и станций в космосе.

– Надо сообщить партнёрам, – сказал Каминский, – о наших планах послать экспедицию.

– Вот они обрадуются, – скептически покривил губы Сароян.

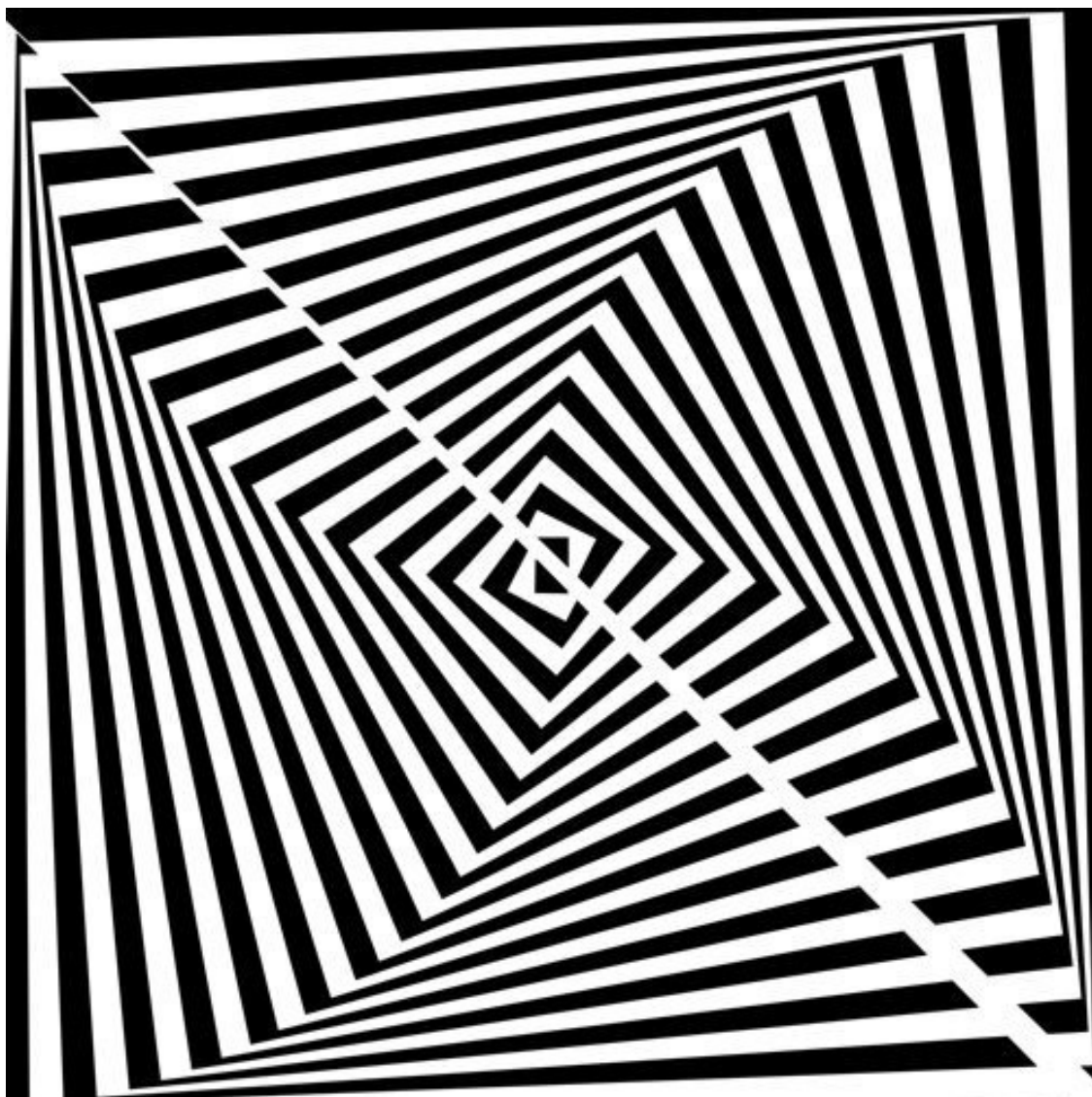
– Делясь радостью, главное – не огорчить, – пошутил Бояринов. – Думаю, нам не следует никого предупреждать. И хорошо бы точно знать о планах коллег в США и Китае. Что говорит разведка?

– Новые корабли американцев и китайцев тоже готовы к полёту, – сказал Кочергин. – Хотя и не проходили ходовые испытания, насколько нам известно.

– Они будут шифроваться до последнего, – сказал командующий ВКС уверенно. – А нам неплохо бы оказаться у Бича первыми. Насколько точны разведданные?

– Стопроцентно, – усмехнулся Кочергин. – Американский корабль называется «Ниагара».

Иллюстрация 3

Ветер в спину дул приличный, срывая с барашков волн пенные хлопья, и Денис не заметил, как его отнесло от берега на пару километров.

Впрочем, кайтером он был классным, занимаясь фойл-кайтбордингом⁸ давно, и водных просторов не боялся, тем более что над прибрежной морской зоной висели спутники и дроны, обеспечивающие контроль безопасности и охрану здоровья отдыхающих. В любой момент можно было вызвать по мобильной связи помощь и получить её в течение нескольких минут.

Ветер сменил направление, стал холоднее. Всё-таки декабрь в Крыму – это вам не август с температурой воздуха за тридцать пять, хотя из-за глобального потепления климат на всей планете изменился, льды Арктики почти полностью растаяли, потекли гигантские территории вечной мерзлоты, высвобождая миллионы кубометров метана, которые тоже начали способствовать увеличению температуры атмосферы и усиливать парниковый эффект. К концу двадцать первого века человечеству с трудом удалось приспособиться к новым климатическим условиям, нарушившим тысячелетиями сложившиеся циклы. И теперь купаться можно было

---

⁸ Фойл-кайтбординг – катание на сёрферной доске с килем, под парусом. Кайтер – спортсмен-кайтбордист.

летом не только в южных морях, но и в северных, а также в прилегающих к Антарктиде. Денис уже давно собирался с компанией таких же сорвиголов покататься на сёрфе в антарктическом море Лазарева.

Конечно, температура воды в Чёрном море в декабре не превышала восемнадцати градусов, однако Денис в свои двадцать семь лет холода не боялся, а в компании вообще мог схватиться с любыми стихиями, веря в свои силы и удачу.

Денису Молодцову исполнилось двадцать семь лет. Он закончил Смоленский институт логистики, затем Академию космических чрезвычайных режимов – АКЧР, называемую студентами Акачуркой, и пошёл по стопам деда, тоже Дениса Молодцова, отдавшего больше полусотни лет служению в спасательных подразделениях Воздушно-космических сил России.

Дед давно «произвёл вынужденную посадку на пенсию», как он выражался, и жил с женой Кэтрин Бьюти-Джонс, бабушкой младшего Дениса, в городке Ветке, неподалёку от Гомеля. Хотя нередко гостил по полгода на родине Кэтрин, бывшей некогда капитаном американского шаттла, на её ранчо в Техасе.

Отцу Дениса Ерофею Денисовичу пошёл пятьдесят второй год, и он до сих пор продолжал служить в ВКС, возглавляя отдел технического мониторинга национальных систем связи. Со своей женой Виолеттой, матерью Дениса, он жил в Мурманске, в новом бытовом кластере «Зелёный Арктик», возведённом на берегу Кольского залива Баренцева моря двадцать лет назад. До этого судьба побросала семью Ерофея Денисовича по многим городам и весям страны от Калининграда и Плесецка до Камчатки, но он не изменил своему призванию – служить людям, спасая их от разных бед, и Денис, родившийся в Смоленске, стал, по сути, продолжателем династии спасателей, не пожалев об этом ни разу.

Выглядел он внушительно, под стать деду: рост метр девяносто, широкие плечи, волевой подбородок, жёсткий взгляд прозрачно-серых глаз, в каждом движении ощущается сила, внушающая уважение, и только нос немного портил мужественный формат лица, сохраняя родовые черты; таких людей на Руси называли курносыми.

Впрочем, Денис по этому поводу не комплексовал, не считая себя ни красавцем, ни уродом, что было справедливо. Другим было всё равно, как он выглядел, а девушки ценили его совсем за другие качества.

Ветер снова переменялся.

Денис привычно сменил галс, начиная искать подходящий курс, который должен был вывести его к далёкой жёлтой полоске берега.

И в этот момент глаз зацепился за яркое красное пятнышко в полукилометре от Дениса, ещё дальше от берега. Оно мелькнуло и пропало, будто порыв ветра погасил огонёк свечи. Однако интуиция уже расправила крылышки, и сердце почуяло пусть и не беду, но неправильность, потому что на таком расстоянии от берега не должны были находиться ни граничные бакены, ни буи для ориентации яхт и катеров. Море здесь было глубокое.

Рука сама потянула леер, направляя фойлборд туда, где исчезло красное пятнышко.

Через минуту Денис понял, что ему встретился такой же спортсмен-кайтер, как и он сам. Только парафойл отважного мореплавателя почему-то перестал тащить доску и свалился в воду, отказываясь выполнять функцию движителя. Спортсмен безуспешно пытался поднять его, но у него ничего не получалось. Силы ветра не хватало приподнять кайт и запустить его в небо.

Денис подплыл ближе, лавируя таким образом, чтобы ветер держал его собственный кайт. Крикнул:

– Давайте, я вам помогу!

Ему ответили сдавленным женским голосом:

– Вряд ли вам это удастся.

Только теперь он разглядел мокрое лицо спортсменки: это и в самом деле была девушка или, скорее, молодая женщина, потерявшая спортивный шлем. Волосы у неё, схваченные узлом на затылке, потемнели от воды, но всё же было видно, что они светлые.

Денис сделал поворот:

– Я попробую подхватить стропы и потянуть ваш кайт за собой. Сможете бросить?

– Не уверена.

– Попробуйте.

Девушка разобралась со стропами, взялась одной рукой за доску:

– Ловите!

Денис проплыл мимо, но мокрый конец линия не поймал. Пришлось делать круг и возвращаться. Доска была оборудована подводным крылом, что существенно увеличивало как скорость скольжения по воде, так и манёвренность, и он мог разворачиваться буквально на пятячке, несмотря на висящее над ним крыло похожего на парашют кайта.

Однако ни второй бросок, ни третий не принесли успеха. Остановиться Денис не мог, так как его кайт, потеряв скорость, сам лёг бы на воду, а линь был короткий, и хозяйка фойлборда с воды не могла бросить его точно.

– Плывите к берегу, – прокричала она, стирая ладонью воду с лица. – Можете вызвать катер? Я утопила свой шлем.

– Могу, – сказал Денис. – А хотите попробуем по-другому? Вставайте на доску, я вас подхвачу, и мы вместе доплывём до берега на моей.

– Утопим борд, – засомневалась девушка.

– Попытка не пытка.

– Всё равно вызывать спасателей.

– Они и без вас доставят ваше оборудование на берег.

– Хорошо, рискнём. – Девушка ловко взобралась на двухметровой длины фойлборд. Серебристая ткань комбинезона облегла её фигурку как вторая кожа, и Денис невольно оценил приятные изгибы тела незнакомки, а также отсутствие страха или какого-либо волнения. С виду она была лишь немного разочарована.

– Готовы?

– Да.

Он ещё раз развернулся и, сблизившись с балансирующей на доске девушкой, проплывая мимо на минимально возможной скорости, правой рукой сорвал её за талию с доски и перетащил на свой борд. Жгут, стягивающий волосы девушки, разорвался, в лицо Денису ударила волна мокрых волос, ослепляя. Однако он удержался на ногах, незнакомка прильнула к нему со спины, обняв его за талию сильными руками, и кайт понёс пару к берегу, едва не зацепив левым крылом барашки волн. Доска Дениса выдержала вес обоих кайтеров, хотя над водой не поднималась. Чувствуя приятное возбуждающее тепло от рук и тела прижавшейся незнакомки, Денис поднял крыло кайта повыше, и скорость увеличилась. Берег стал приближаться быстрее.

На ходу он нашёл волну станции спасателей южного берега Крыма, объяснил ситуацию.

– Будем через пять минут, – пообещали ему.

– Куда отправить ваш борд? – повернул он голову к спутнице.

– Пансионат «Южный», мыс Ай-Юри, – ответила она.

– Доставьте доску и кайт в пансионат «Южный», – повторил он в пуговку радиации на губе.

Ветер снова переменил направление, словно играя с любителями острых ощущений, пришлось лавировать, скорость упала, но Денис даже был рад этому обстоятельству, так как его обнимала красивая женщина, и хотелось продлить эту ситуацию подольше.

К песчаному берегу в подкове горных склонов, напротив белоснежного корпуса санатория, они пристали через четверть часа.

Денис вытащил свой фойлборд на песок, подтянул кайт.

Девушка выбралась из воды и остановилась, поджидая своего спасителя.

Вокруг засуетились юркие киберы обслуживания пляжа, почти пустого в этот яркий солнечный день, собираясь упаковать плавательное средство на тележку, но Денис остановил их:

– Отставить! Я сейчас поплыву обратно.

Из-под навеса с оборудованием для весёлого времяпрепровождения на воде торопливо вышел мужчина в серо-голубом унике, крупного телосложения, глыбистый, мощный, поспешил через весь пляж к разговаривающей паре.

– Меня зовут Аурика, – протянула руку девушка. У неё были зелёные глаза, брови вразлёт и красивого рисунка точёные губы, притягивающие взор. Волосы девушки подсохли и стали цвета золотистой корицы, высветленные по моде хюгге.

– Денис, – пожал он её пальцы.

– Благодарю за спасение. – В голосе незнакомки прозвучала ирония. Губы сложились в сверкнувшую молнией улыбку. – Хотя в наше время рыцари не в фаворе.

– Попробую разубедить вас в этом. Как вы смотрите на вечер в ресторане?

– В принципе, положительно. Хотя приглашать вас должна я.

– Это принципиально?

– Нет.

Он посмотрел на красивый корпус пансионата, похожий на крыло чайки.

– Отдыхаете здесь?

– Второй день, с погодой повезло. А вы?

– Я остановился в километре от вас, в санатории «Форос».

– Любите холодное море?

– Скорее – люблю экстрим.

Аурика прошлась оценивающим взглядом по фигуре молодого человека.

– Ради удовольствия? Или вас кто-то поощряет?

Вопрос был задан с подковыркой, и Денис засмеялся.

– Я хожу по воде один, мои друзья это дело не любят. Где встретимся? Здесь или в «Форосе»?

Аурика глянула на торопливо подходившего мужчину.

– Созвонимся. Запомните телекс?

– Диктуйте.

Она продиктовала номер мобильной связи.

Подошёл мужчина в унике. У него было мрачноватое лицо гранитной чеканности с прямым «римским» носом и узкими твёрдыми губами и светло-жёлтые кошачьи глаза. Глянув исподлобья на Дениса, он, не здороваясь, повернулся к девушке:

– Что случилось, Ри?

Денис с любопытством посмотрел на его губы, прислушиваясь. Голос у незнакомца был под стать его облику – такой же каменно-скрипучий, погромыхивающий, властный и твёрдый.

– Всё в порядке, Илья, неудачно сманеврировала, уронила кайт. Этот джентльмен меня спас. Его зовут Денис. Денис – это Илья.

Мужчина кивнул.

Денис протянул руку:

– Рад познакомиться.

Помедлив, здоровяк протянул свою руку, и ладонь Дениса словно попала в клещи: ладонь приятеля Аурики была вылеплена из того же материала, из какого состоял он весь – гранитно-твёрдая и каменно-холодная. Пришлось напрячь мышцы, чтобы эта твердь не раздавила пальцы.

Илья нехотя отпустил его руку.

Аурика, заметив короткое состязание мужчин в силе, едва заметно улыбнулась.

– Ещё раз спасибо за помощь, спасатель. Вы отлично ходите на фойле. Звоните. Идём, Илья.

Они повернулись и зашагали к главному корпусу пансионата по дорожке, устланной плитками ракушечника.

Им навстречу уже спешили служащие пансионата, молодые парни и девушки. Одна из них подошла к Денису, смотрящему, как идёт Аурика. Защемило сердце: она была потрясающе женственная и красива.

– Чем мы можем помочь вам, товарищ? – спросила совсем юная девчушка, одетая в белый, с красными вставками, уник. Скорее всего, она была форгом, функционально ориентированным организмом, то есть искусственным человеком.

Денис очнулся. Плыть по морю к своему дому отдыха на фойле расхотелось.

– Добрый день, барышня, благодарю за предложение, отправьте мой водный комплект в санаторий «Форос», Молодцову. Могу вбить счёт за операцию в мой коммуник.

– Не нужно, мы отправим ваш сёрф бесплатно.

– Спасибо. – Денис бросил ещё один взгляд на спины пары, скрывшейся за стеклянной дверью центрального выхода из пансионата, и направился вслед за ними.

В приёмном холле здравницы он подошёл к стойке администратора.

– Извините, мне нужно такси, конечный пункт – санаторий «Форос».

– Наземное, воздушное? – вежливо уточнил молодой парень, естественно, тоже форг, почти не отличимый от живого человека.

– Воздушное. – Денис поискал глазами спасённую им кейтершу, не увидел и не удержался от вопроса: – Простите за любопытство, у вас остановилась девушка по имени Аурика? Она спортсменка, катается на фойлборде... имя редкое... не подскажете фамилию?

Админ здания завис на мгновение, изобразил смущение.

– Обычно мы сведения о наших гостях не даём.

– Так я не спрашиваю, кто она и откуда, ничего личного, просто хочу узнать фамилию.

– Ветрова.

– Благодарю. – Денис вызвал в памяти номер мобильного айкома, продиктованный Аурикой. – Долго ждать такси?

– Ждать не надо, вас проводят к стоянке такси, номер гравика – 341.

Денис кивнул и, борясь с искушением немедленно позвонить спасённой, вышел из здания в ослепительно яркий день конца декабря.

* * *

В холле санатория «Форос» его ждали встревоженные друзья: отпустивший бородку «а-ля маркиз Мазох» Володя-Вовчик, любитель хорошо поесть и выпить, плотно сбитый, с животиком, бывший спортсмен-теннисист, и Сашка-библиофил, рано облысевший, но не расстающийся с косичкой, сплетённой из отросших ниже плеч волос на затылке.

Володя был моложе на шесть лет и работал фрилитом, как называли нынче фрилансеров-консультантов литературного перевода. Денис познакомился с ним пару лет назад в компании школьных приятелей в Риге и сдружился, так как у обоих были общие увлечения.

Сашка-библиофил был, наоборот, старше Дениса на двенадцать лет и работал фривэем, то есть тружеником «свободного полёта» в области составления путеводителей по литературным произведениям. Читал он не только электронные книги, но и бумажные версии, прекрасно знал классику и действительно мог порекомендовать тексты, способные затронуть душу и сердце не только искушённого читателя, но и любого, кто понимал толк в чтении.

– А мы тебя ищем по всему морю, – укоризненно пощипал бородку Володя. – Почему не сообщил, что высадился в «Южном»?

– Откуда вы знаете, что я остановился в «Южном»? – вопросом на вопрос ответил Денис, направляясь к лифту; его номер располагался на восьмом этаже.

Друзья, одетые в демократические шорт-слансы и майки, поспешили за ним.

– Узнали от службы берегового контроля, – сказал Володя. – По интеркому сообщили, что в море упал кайт, мы подумали, что это ты.

– Не я, одна очень красивая девчонка. Мне удалось довести её до санатория.

– Как? Ты не вызвал спасателей?

– Ловкость рук, и никакого мошенства, – рассмеялся Денис.

В номере он снял подсохший костюм кайтера и направился в ванную принять душ, сопровождаемый завистливыми взорами друзей; мускулистый, ни капли жира, он выглядел идеальным образцом для скульптора. Хотя специально не качался. Просто поддерживал спортивную форму.

– Ждите, я быстро.

Однако едва он встал под тугую струю воды, в дверь хозблока постучал Володя:

– Денис, твой мобил разрывается, дать?

Он почуял тонюсенький шепоток интуиции: не бери...

– Сейчас выйду.

Обмотавшись большим махровым полотенцем, выбрался из ванной, взял колечко айкома, нацепил на ухо клипсу наушника.

– Слушаю.

– Майор, Верник беспокоит, – заговорил наушник голосом командира особой группы. – Знаю, что ты в Крыму отдыхаешь, но у нас форс-мажор, возвращайся. На базе в Симферополе тебя ждёт «семьдесят первый», доставит в Плесецк. Даю на все процедуры три часа.

Денис озадаченно помассировал мочку уха.

«Семьдесят первым» служащие ВКС называли военный суперджет, способный летать со скоростью в пять «махов»⁹.

– Что случилось, товарищ полковник?

– Срочный вылет.

Денис не рискнул заметить: я в отпуске.

– Куда?

– За пределы.

– Земли?

– Солнечной системы.

Денис едва удержался, чтобы не присвистнуть.

– Это... не близко.

– Дорога каждая минута, майор, поторопись. Тебе дан зелёный коридор по нашим каналам, группа уже собирается. – Айком умолк.

Денис поскрёб макушку, застывшим взглядом упёршись в ласковое голубое небо за окном номера.

– Чо там у вас грянуло? – небрежно спросил Сашка.

– Я уезжаю, – очнулся Денис, устремляясь обратно в ванную.

Зашумела вода, отсекая голоса друзей. Но Денис к ним не прислушивался, мыслями он уже был на космодроме ВКС в Плесецке. В душе таяло сожаление, что встреча с девушкой по имени Аурика откладывается на неопределённое время.

---

⁹ Число Маха – отношение локальной скорости объекта к скорости звука. 1 Мах = скорости звука 330 м/с.

* * *

База ВКС, где располагался центр управления группой чрезвычайных ситуаций в космосе, выросла рядом с военным космодромом, с которого уже больше ста лет стартовали российские ракетные корабли, сначала военные – с конца шестидесятых годов двадцатого столетия, потом в начале двадцать первого и гражданские.

В двадцатом веке это был, по сути, ракетный полигон, где отрабатывались технологии запуска баллистических ракет стратегического назначения и военные спутники. С середины двадцать первого, после ввода в строй космодрома Восточный на Амуре, Плесецк и вовсе перешёл под эгиду военно-космических сил, и отсюда в основном стартовали в космос военные аппараты, а затем, после создания НЦЭОК, начали подниматься спасательные модули и планетолёты, принимающие участие не столько в покорении межпланетных пространств, сколько в спасательных операциях разного калибра за пределами системы Земля – Луна.

Отсюда же когда-то стартовал и корабль деда Дениса – «Амур-2», чтобы достичь пронзающего Солнечную систему экзотического объекта, получившего название ККС – Космическая Китайская Стена, и спасти попавших в поле его тяготения американских астронавтов.

Дед не любил рассказывать, с чем пришлось столкнуться российским космонавтам, но Денис знал, что вслед за ними к ККС полетели китайцы, напали на российский корабль и повредили его, в результате чего «Амур» остался на суперстринге, однако подоспевший вовремя американский шаттл, руководимый женой деда Кэтрин, сумел подобраться ближе и спас экипаж «Амура».

Через год после этого у четы Молодцовых родился сын Ерофей, а ещё через двадцать шесть лет на свет появился и сам Денис, копия деда, в том числе – и в реализации своих устремлений.

Дом для контингента аварийно-спасательной службы располагался на окраине Плесецка, в трёх километрах от космодрома, окружённый ухоженными лесами. Он был выращен по новым технологиям двадцать лет назад и представлял собой стоэтажную башню экопроекта «Зелёный комфорт». От жилых комплексов проекта «Зелёный Арктик», в одном из которых в Мурманске жил старший Молодцов, он отличался только высотой и количеством квартир; северные здания были намного ниже.

Жилые модули комплекса казались издали прозрачными ракушками, наклепленными на центральную колонну башни с лифтами и системами безопасности. Каждая «ракушка» была опоясана оранжереей, внутри которой прятались жилые модули с количеством комнат от двух до пяти. Денису, как офицеру ВКС, досталась одноуровневая трёхкомнатная квартира-эспланада, и его это вполне устраивало. О том, где он будет жить в будущем, мысли молодого человека не беспокоили. Он был уверен, что о таких вещах должны беспокоиться соответствующие службы ВКС.

Суперджет «Су-71», в просторечии – «семьдесят первый», принадлежащий крымскому филиалу ВКС, доставил майора в Плесецк за сорок минут. На аэродроме Дениса встретил начальник службы подготовки полковник Лигостов, и Денис наконец узнал причину отъезда из отпуска.

– История повторяется, – пробормотал он, подумав, что точно так же начинался когда-то спасательный рейд деда – отъездом из отпуска.

– Что? – не понял его худощавый, жилистый, с внимательными карими глазами, полковник.

– Это я не вам. Вы думаете, к нам возвращается ККС?

– Что, простите? – Оба сели в штатный мобил, перевозящий сотрудников базы.

– Эту суперструну когда-то называли Космической Китайской Стеной.

– А-а... нет, учёные полагают, что вероятнее всего к нам летит новая суперструна. Спешно собирается экспедиция в район Койпера, где её засекли.

– Но зачем понадобилась моя группа? Надо кого-то спасать?

– Ваша группа признана наиболее опытным подразделением из всех наших действующих групп. Кроме вас полетит группа научных экспертов, всего, вместе с экипажем корабля, одиннадцать человек.

– Что за машина? «Ангара»? «Амур»? Или последняя модификация эгран-фрегата?¹⁰

– Даже машины с эграном не летают со скоростью, которая нам нужна. Это новый корабль, оборудованный «крякгеном». Теория разработана давно, до практической реализации добрались только что.

Денис кивнул. Теорию «кряканья» – создания искусственных «трещин» в вакууме, он изучал в Академии лет пять назад, однако не предполагал, что она будет воплощена в металле.

– Отлично! Кто капитан?

– Познакомишься на базе. Сегодня соберёшь группу, отберёшь двоих, вся группа не полетит, и объяснишь цель миссии. Хорошо бы ещё успеть слетать к Денису Андреевичу, проконсультироваться.

– К кому? – удивился Денис.

– К твоему деду, – усмехнулся Лигостов. – Он расскажет, как полста лет назад летал к Космической Стене и что видел.

– Ладно, слетаю, – сказал Денис, обрадованный в душе, что встретится с дедом. В последние пару лет виделись они нечасто.

Новые транспортные технологии, появившиеся в середине двадцать первого века, к примеру – антигравитационные двигатели, не привели к кардинальному изменению личной перемещательной среды. Люди продолжали пользоваться и самолётами, и колёсным транспортом, и метро на магнитной подвеске. Если антигравы легко вписались в рамки общественных коммуникаций, потеснив, а потом и вовсе отменив аппараты с крыльями и ракетную тягу, то персональные антигравы не получили широкого распространения по причине массового отказа людей летать «как птицы»: вестибулярный аппарат человека и его психика не переносила полёты «на метле» – то есть без видимых приспособлений.

Персональными антигравитами, небольшими дисками на ремнях, описанными ещё в середине двадцатого века писателем Колпаковым, пользовались в основном сотрудники спецслужб да космические спасатели. У Дениса был такой дома, но из аэропорта он летел к себе на обычном аэротакси.

Домовой встретил хозяина с интонациями старого мажордома:

– Рад вашему возвращению, сударь. Отдых удался?

– Хорошо, но мало. – Денис проследовал в спальню, на ходу снимая гражданский уник, превращавший его в модного натурала, как называли в нынешней молодёжной среде любителей спортивного образа жизни, в отличие от виртуалов – людей с изменённой психикой, годами просиживающих в компьютерном пространстве и потому не обращающих на свой внешний вид никакого внимания. Эти люди редко выходили в свет, знали друг друга по никам и выдуманным типажам, и год от года их количество росло, грозя превысить порог пассионарности, равный половине активного населения России. Да и всех стран мира. Перейдя за эту черту, человечество с гарантией падало в яму деградации.

В комнатах было чисто, благодаря «одуванчикам» – собирателям пыли, за которыми следил компьютер обслуживания умного дома, называемый домовым. Денис, когда переехал в эту квартиру из Мурманска, дал ему имя Дружок, и домовый охотно откликался на него, подключённый к сети таких же домовых служителей города. Он был подключён также и к Интернету,

---

¹⁰ Эгран – электрогравитационный генератор Леонова.

и Денис однажды узнал, что согласно отчёту Счётной палаты количество подсоединённых ко всемирной Сети устройств вчетверо превышает население планеты. Поэтому не стоило удивляться, что сервисная система нынешних жилых кластеров не только делала повседневную жизнь людей более безопасной и комфортной, но и знала буквально все новости, распространяемые по Сети.

Голос Дружка догнал Дениса в спальне:

– Сударь, вы знаете, что в Солнечную систему летит Бич Божий?

– Уже знаю, – ответил Денис, оставаясь в плавках и выбирая комплект формы, чтобы переодеться после душа. – Что ещё интересного творится на свете?

– Президент полностью заменил либеральное правительство на технократическое. Нас ждут блестящие перспективы.

– Это радует. – Денис встал под душ. – Надеюсь, машины, роботы, киборги и компьютеры ещё не заменили живых чиновников?

– Не заменили, сударь. – С юмором у домового была напряжёнка. – Машины заменили низкоквалифицированный физический труд, компьютеры – связанный с обработкой больших массивов информации. Но на очереди применение нейросетей для консультативного и экспертного совета. Надеюсь, ко мне как к полезной машине претензий нет?

– Успокойся, – невольно улыбнулся Денис, вспоминая известную шутку телеведущего: я мыслю, значит, существую, а вот обратное не факт. – Ты молодец. Что ещё крутится в новостях?

– На орбиту вокруг Венеры вывели второй отель на триста отдыхающих, в форме пирамиды.

– Кто вывел?

– Египтяне.

– Надо же, – сплюнул воду, попавшую в рот, Денис. – Уже и потомки фараонов запускают свои космоотели. Но это неплохая новость.

– Есть и похуже.

– Давай.

– Исчезло больше восьмидесяти процентов лесов Амазонии, из-за чего вымерло больше половины птиц Южной Америки. ООН объявило мораторий на вырубку лесов, но вряд ли это спасёт биосферу.

– Да, это неприятно, – согласился Денис. – Хорошо хоть у нашей власти хватило ума спасти сибирские леса и тундру.

– Решается вопрос полной замены мяса на искусственный продукт и отмены технологий забоя животных.

– К этому давно идёт цивилизация. Главное – не потерять генетику, уже и так идут споры, насколько человек остаётся человеком, питаясь искусственными продуктами.

– Не понял вас.

– Искусственная пища влияет на геном человека, из-за этого лет двадцать назад запретили ГМО: начали массово плодиться монстры.

– Ещё саудиты достроили свой знаменитый «Джидда глоб».

Денис пожал плечами. Речь шла о самой высокой башне, построенной в Саудовской Аравии. Её высота достигала ста километров, и верхушка башни, по сути, выходила в ближний космос.

Соревнование небоскрёбов началось ещё в двадцатые годы двадцать первого века, и теперь по всей планете высились башни, одна другой больше и вычурней: в Китае, Таиланде, Индии, Египте, Бразилии и в странах Ближнего Востока.

Домовой не дождался реакции хозяина и философски заметил:

– Каждый сходит с ума по-своему.

Денис засмеялся, вылезая из душевой кабины:

– Это уж точно.

Он вытерся насухо, разглядывая себя в пластине зеркальной стены, скривил губы. Интересно, нравится Аурике такой чересчур мускулистый мачо? Да и профиль, прямо скажем, не греческий. Но ведь она не отказалась встретиться? Может, взять и позвонить, объяснить ситуацию, чтобы не обиделась?

В гостиной раздался приглушённый звон.

– Сударь, ваш айком, – сказал Дружок.

– Иду. – Денис оделся и вышел из бытового блока.

Звонил полковник Верник, замначальника Центра экстремального оперирования:

– Майор, обстоятельства изменились, тебе надо быть на базе через час.

– Я готов, – бодро отрапортовал Денис, собравшийся часок поваляться на диване.

– Ждём. – Верник всегда был весьма лаконичен и при этом исключительно убедителен.

– Ну вот, – вслух проговорил Денис, – недолго музыка играла.

– Я не включал музыку, – возразил домовой.

– Это я не тебе. Приготовь кофе и вызови штатный мобил, через полчаса я урываю.

– Слушаюсь, хозяин.

Позвоню Аурике позже, решил Денис.

* * *

На базу он заявился ровно в пять часов вечера, когда уже стемнело.

Если базы ВКС и погранслужбы России за Полярным кругом строили в форме «Арктического трилистника», то плесецкий комплекс сооружений базы экстремального оперирования напоминал гигантскую ветвь папоротника – если посмотреть сверху. Всего эта ветвь имела одиннадцать листочков – модулей разного назначения.

Команда Дениса – два асс-сержанта, два лейтенанта и капитан, ждала командира у входа в штабной модуль-листочек – двухэтажный, длиной около ста метров. На первом этаже здания располагались ворком-кабинеты разного рода руководителей, на втором – центральный зал контроля и связи, мало в чём уступающий главному терминалу Центра управления полётами ВКС.

Все пятеро вытянулись по стойке «смирно», даже балагур и весельчак Стёпа Костин, и Денис, небрежно козырнув, скомандовал «вольно».

Его обступили, закидали вопросами, но он остановил подчинённых стальным голосом:

– Отставить базар, спасатели! Знаю столько же, сколько и вы. Сейчас всё выясним подробно. За мной!

Они гурьбой вошли в небольшой холл штаба, одетые в универсальные костюмы военного образца, отличающиеся от гражданских уников только строгостью формы, отсутствием украшений и цветом; служащие ВКС носили тёмно-синие костюмы с чёрными вставками. Знаками различия на витых погончиках фиолетового цвета, окаймлённых золотыми нитями, по-прежнему были золотые пятиконечные звёздочки.

В холле толпился разный народ.

К Денису, возглавившему свой отряд, подошёл громадный, широкий, мощный генерал Стогов, вопреки традиции носивший уник серо-серебристого цвета, без погон и звёзд. Протянул громадную длань:

– Добрый вечер, майор. Есть смысл объяснять важность отзыва?

– Никак нет, товарищ генерал.

– Отлично. – Стогов оглянулся на свою свиту, поманил кого-то пальцем. – Хочу познакомить тебя с капитаном корабля «Енисей», на котором вы отправитесь к поясу Койпера. Полковник, прошу вас.

Верник подвёл к генералу красивую девушку в форме полёт-капитана первого класса, с короной волос цвета золотистой корицы. И Денис, млея, узнал спасённую им в Крыму кайтершу.

– Вы?!

Аурика улыбнулась, подала руку.

– Мир тесен, товарищ Молодцов?

– Я... не предполагал... – Он осторожно пожал пальцы женщины, не рискуя поцеловать их под взглядами мужчин.

– Я тоже не знала, кто вы.

– Я собирался звонить...

– Я тоже. – Она не удержалась от улыбки.

– Предложение остаётся в силе?

– После возвращения, если вы не против.

– Ни в коем случае! – Денис заметил, что продолжает держать руку Аурики в своей, и поспешил отпустить.

Стогов, переводивший взгляд с одного на другую, хмыкнул.

– Вы знакомы?

– Он меня спас, товарищ генерал. Я сделала неудачный манёвр и уронила в воду парафойл, майор помог мне добраться до берега.

– Они катаются на сёрфах с подводным крылом и воздушным змеем, – уточнил Верник меланхолично. За его спиной вырос глыбистый спутник Аурики, которого она назвала Ильёй, глянул на Дениса исподлобья.

– Нарушая при этом все правила, – добавил Верник.

– Майор владеет фойлбордом профессионально, – заступилась за Дениса Аурика. – Это я любитель.

– Что ж, хорошее начало для успешного выполнения миссии, – иронически проворчал Стогов. – Идёмте, товарищи.

Все направились к лестнице на второй этаж.

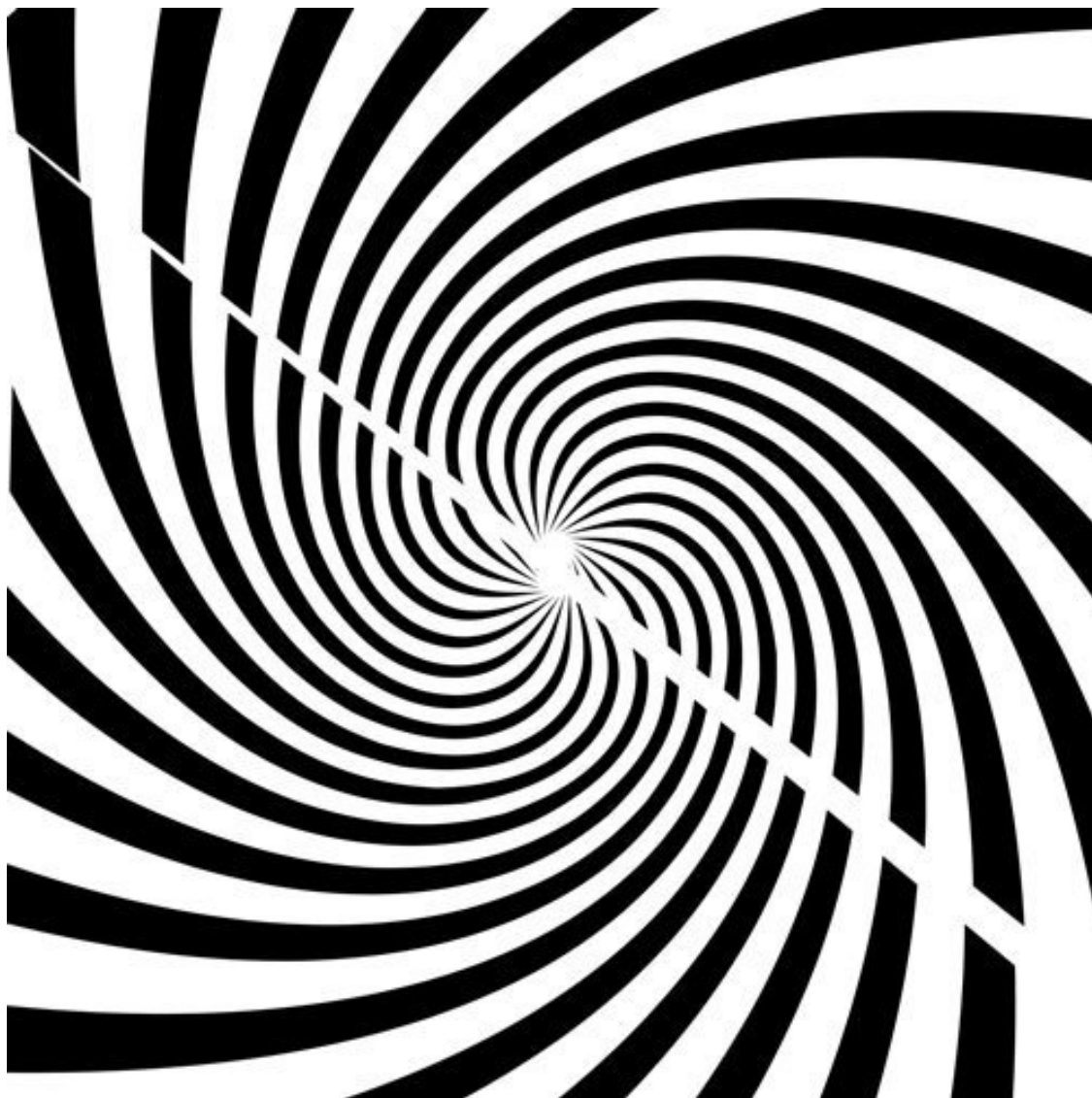
Аурика кивнула Денису и присоединилась вместе с Ильёй к компании генерала. Погоны на плечах её спутника утверждали, что он является капитаном ВКС первого космокласса.

Лейтенант Костин нагнулся к уху Дениса:

– А ничего себе капитанша, товарищ майор! Познакомите?

Денис молча показал ему кулак.

Иллюстрация 4

«Ниагара» была совершенна и красива. На фоне стартовых вышек полувековой давности, ангаров космодрома «Бока Чика», некогда принадлежащего компании SpaceX, корабль выглядел просто потрясающе – как крейсер из фильма «Звёздные войны», и министр космических сил США Рональд Штуцер невольно остановился в сотне метров от него, заворожённый видимой воинственной мощью гиганта: длина этого многосложного «утюга» достигала двухсот тридцати метров, высота – восемьдесят четыре.

– Нравится? – спросил стоящий рядом в мундире со всеми регалиями директор НАСА Уильям Берджесс.

– Впечатляет, – подтвердил Штуцер.

– У него очень продуманный дизайн.

– Мне кажется, много лишних деталей, нет?

– Это необходимые функциональные детали – антенны, эффлекторы, шлюзы и прочее. Интерьер внутри командного поста вообще достоин высших похвал. Хотите посмотреть?

Штуцер заколебался. Он не был по натуре ни дизайнером, ни эстетом, ни ценителем искусства и не испытывал особого желания любоваться геометрическим совершенством изделия, пусть и весьма необычным. Но сделал над собой усилие и сдался.

– Показывайте.

Подъёмник доставил их к незаметному со стороны люку в кормовой части корабля, напоминающей очертаниями бак парусного фрегата времён владычества Великобритании на морях Земли.

Экипаж «Ниагары» уже занял свои места в рубке управления, и делегацию встретил лишь сервис-кибер, контролирующий работу периферийной автоматики. Он был похож на механическую мартышку размером с дога и произвёл на Штуцера не слишком приятное впечатление. Министр с детства не любил обезьян.

– Лифт? – оглянулся проводник.

– Пройдёмся, – грубовато проворчал министр.

Углубились в коридор, напоминавший членистую кишку диаметром в два метра, освещённую кольцами люминесцентов, идущих друг за другом с шагом в один метр. Включилась бегущая дорожка, вынесла гостей к центральному, особо защищённому ядру корабля, в котором умещались каюты жилого сектора, пост управления, сектор обслуживания и системы связи.

Здесь уже не было люков, через которые надо было протискиваться, согнувшись в три погибели. С виду это были стандартные двери овальной формы, рассчитанные на любого, в том числе и крупногабаритного человека, хотя на самом деле они представляли собой целые защитные комплексы, способные раздвигаться за доли секунды и выдерживающие выстрел из плазмера.

Штуцер вошёл в рубку первым и остановился.

Конечно, он был знаком с внутренними интерьерами военных и специальных бортов, имеющих на балансе министерства космических сил, однако внутри новейшего корабля, использующего совсем иные, по сравнению со стандартными создателями реактивной тяги, двигатели, находился впервые.

Централь управления «Ниагары», называемая астронавтами компостом, имела форму кольца диаметром восемнадцать метров и высотой четыре, обнимавшим осевую колонну информационного обеспечения, составленную из тысяч тонких светящихся трубок и похожую на ствол дерева, утыкавшийся в световой щит на потолке. К этой колонне, мерцающей, как вычурный светильник, подстыковывались через чешуйчатые патрубки не кресла, а настоящие саркофаги с прозрачными крышками, на бортах которых светились голубые и зелёные окошки контроля и лючки манипуляторов. В них и должны были находиться члены экипажа во время полёта и маневрирования.

Всего саркофагов, напоминающих реанимационные камеры (астронавты называли их «носиками»¹¹), было семь. Их крышки в настоящий момент были подняты, и возле каждого «носика» стояли астронавты – пятеро, одетые в «кокосы» (компенсационные костюмы), и пассажиры – двое (тоже в «кокосах», но оранжевого цвета). Это были эксперты из института стратегической физики министерства обороны США, которые должны были разобраться в тайнах Бича Божьего.

Один из астронавтов, крупного сложения афроамериканец, но с волосами соломенного цвета, с витыми погонами спейс-коммандера первого класса, шагнул вперёд, держась с небрежной грацией космена, не раз бывавшего в космосе. На него было приятно смотреть.

– Сэр, спейсшип номер ноль один готов...

---

¹¹ От *англ.* слова *poasea* – тошнота.

– Вольно, капитан, – остановил его министр, изобразив на гладком румянном лице нечто вроде отеческой улыбки. – Как самочувствие?

– Прекрасно, сэр!

– Отлично, капитан. Я гляжу, вы уже освоились. Не боитесь какого-нибудь форс-мажора? Всё-таки это первый ваш полёт на таком аппарате?

– Никак нет, сэр! «Ниагара» – отличный корабль! Мы доберёмся на нём до Бича Божьего за пару минут.

– Ну, не стоит так торопиться, – усмехнулся директор НАСА. – За вами никто не гонится. Главное – выполнить задание командования и вернуться с победой. Действовать чётко и по инструкции.

– Слушаюсь, сэр!

– На всякий случай зарегистрируйте объект как собственность Штатов, – сказал Штуцер голосом федерального судьи. – Если убедитесь в его полезности. Впрочем, – он пожевал губами, – зарегистрируйте в любом случае.

– Будет исполнено, господин спейс-генерал!

– Желаю удачи.

Через несколько минут министр и группа сопровождающих его лиц спустились на поле космодрома, и их отвезли в бункер центра управления инфраструктурой космодрома. Министр устроился в кресле инспектора безопасности полётов, рядом с креслом начальника центра, поблагодарил кивком за принесённый стаканчик американо и стал ждать старта.

В принципе, меры безопасности были излишними, космические корабли давно не взрывались при старте, перестав использовать жидкостные реактивные двигатели, но порядок сотрудники космодрома соблюдали неукоснительно вот уже шестьдесят лет.

Наконец наступил ответственный момент.

– Разрешите старт, сэр? – корректно обратился к министру директор НАСА.

– Выпускайте птичку, – благожелательно кивнул Штуцер.

– Напутственное слово?

– Я уже всё сказал.

– Отсчёт! – скомандовал начальник космодрома.

В зале раздались звуки метронома.

На десятой секунде «Ниагара» без шума, огня и грохота начала плавно подниматься в небо.

– Что так... осторожно? – поднял брови Штуцер.

– Они идут на эгране, – подобострастно склонился к министру директор НАСА. – Крякген включится, когда корабль выйдет за пределы атмосферы. Во избежание, так сказать, непредвиденных сюрпризов.

– Его заметят.

– Разумеется, наши партнёры и союзники...

– И русские.

– Так же, как и мы знаем о запуске их кораблей. К сожалению, в наше время невозможно скрыть что-либо от кого бы то ни было. Но мы объявили об испытаниях нового прогулочного космического лайнера, а вот русские, по данным разведки, вовсю испытывают свой крейсер с крякгеном, не уведомляя об этом ООН и военные комиссии.

Штуцер помолчал. Он точно знал, что в недрах американских военных лабораторий запряты многие разработки, способные послужить настоящим «бичом божьим» и уничтожить человечество, о которых никто и нигде не говорит вслух.

Вслед за величественно всплывающей «Ниагарой» (а ведь хорошо придумали – обычный прогулочный лайнер, идут испытания; знал бы кто, что имеет на борту этот «лайнер»!) воробьями вспорхнули два корвета сопровождения, похожие, опять-таки, на истребители из куль-

тового фильма «Звёздные войны». Примерно на таких летали в космосе служители Империи. Фантазия создателей фильма удивительным образом воплощалась в реальности даже в деталях, хотя никто из руководителей США, в том числе и министр космических сил, об этом не задумывался.

Корабль растаял в сияющем декабрьском небе как призрак.

Система визуального контроля ЦУПа переключилась на передачу с борта одного из корветов. «Ниагара» стала видна во всей своей красе на фоне удаляющейся Земли, окружённой роем искр и огоньков спутников. Левее и ниже проявился серебряный шар Луны.

Корабль начал разгон.

Поскольку он вышел за пределы атмосферы, никаких особых эффектов при этом видно не было, просто гигант буквально за несколько секунд превратился в пылинку и исчез.

Подождав минуту, Штуцер посмотрел на руководителей полёта.

– Это всё?

– Можем следить и дальше, – торопливо сказал директор НАСА, – однако он перейдёт на «трещину» не раньше, чем пересечёт орбиту Луны. Здесь слишком много летающей техники. Будете ждать?

Министр помолчал, разглядывая сверкающий огнями экран.

– Пожалуй, подожду. Будет видно, как он ускорится на крик... э-э... генераторе?

– Работа генератора не связана с ускорением, сэр, крикген создаёт тоннель в пространстве, так сказать, своеобразную трещину...

– Будет видно?

– Нет, к сожалению.

– В таком случае жду сообщений о полёте. – Министр решительно встал и направился к выходу из ЦУПа.

* * *

Первый индийский космодром Шрихарикота был построен на одноимённом острове в Бенгальском заливе Индийского океана ещё в конце двадцатого века. Он успешно запускал ракеты и выводил на орбиту вокруг Земли спутники в течение полувека, пока не был построен ещё один космодром, на юге штата Андхра-Прадеш, там же, где все эти годы располагался космический центр Сатиша Дхавана, имеющий в наличии пусковой комплекс центрального Агентства космических исследований Индийской республики.

К этому времени индийский космический флот располагал десятком кораблей разных классов, а когда появились эгранны – электрогравитационные двигатели Леонова, обзавёлся ещё полусотней аппаратов, способных легко выводить на орбиту спутники и вообще бороздить Солнечную систему во всех направлениях.

Благодаря кооперации с Россией, Индия начала строить не только военные корабли, но и космические яхты, и орбитальные отели, и даже создала свой лайнер для путешествий внутри Солнечной системы, вмещавший до тысячи пассажиров.

Разработали индийские конструкторы и свой первый стэк-двигатель, позаботившись о том, чтобы работа над ним велась в строжайшей тайне. К моменту появления у границ Солнечной системы Бича Божьего корабль с крикгеном был уже готов к ходовым испытаниям, и руководство Агентства космических исследований сочло возможным в качестве таковых направить созданный корабль к поясу Койпера. Имя он получил знаковое – «Ганг»¹².

Двадцать девятого декабря в центре Сатиша Дхавана состоялось заседание Государственного совета по космическим делам, председательствовал на котором заместитель военного

---

¹² Ганг – одна из самых длинных в мире (2700 км) рек Южной Азии, протекающая по территории Индии.

министра генерал Рамакришна. Говорили больше о возможных препятствиях на пути к Койперу, нежели о Биче Божьем, который пока что казался чем-то вроде мифического инструмента предсказаний лживых астрологов о скором конце света. Тем не менее учёные мужи из Академии наук и Агентства исследований доказали военной реальность угрозы, и те после непродолжительных споров согласились на снабжение экспедиции оружием. Хотя никто из них не верил в какие-то не менее мифические контакты с инопланетянами. После чего похожий на лемура с коричневым морщинистым лицом в обрамлении седых волос Рамакришна объявил волю президента: лететь!

Тридцатого декабря «Ганг», похожий на тушу кита и на старинный ледокол одновременно, геометрически зализанный по законам преодоления не только безвоздушных пространств, но и агрессивных сред, стартовал с космодрома Андхра, сопровождаемый эскортом из десятка малых катеров. Индийские средства массовой информации объявили об испытаниях «космического круизного лайнера за орбитой Марса», и таким образом цель миссии «Ганга» осталась для общественности скрытой.

На борту корабля находился экипаж в составе пяти опытных астронавтов и группа учёных, на которых возложили обязанность дать ответ о величине угрозы для человеческой цивилизации, и можно ли использовать Бич Божий для нужд Индии.

Командовал кораблём и экспедицией тридцатитрёхлетний майор военно-космических сил Индии Рамвилас Сингх.

* * *

К концу двадцать первого века Китай имел десять космодромов, один из которых располагался на искусственно насыпанном мысу острова Хайнань в двадцати километрах от береговой материковой линии, в Тонкинском заливе.

Три из них – Цзюцунь, Сичан и Тайюань давно стали космопортами и принимали до сотни аэробусов, катеров и космических судов в день, в основном – гражданского назначения. Кроме них два из десяти числились как сугубо грузовые, четыре – как военные и один – как испытательный полигон. Им и был космодром на острове Хайнань, служащий для анализа работы секретных аппаратов и запуска новейших судов и модулей, обеспечивающих креативность китайских технологий.

Именно отсюда тридцатого декабря должен был стартовать новейший корабль, созданный по технологии «стелс», с генератором хода, который во всём мире начали называть кряк-геном. По-китайски же этот генератор звучал как лифенг.

Провожать корабль, получивший от создателей название «Янгуанг Шангуо», что означало – «Солнце Китая», собрались не только военные из китайских ВКС, но и высшие чиновники Поднебесной, эксперты и советники Кормчего. Главным из них являлся личный представитель президента Пинь Сицзин.

Космодром Хайнань представлял собой комплекс сооружений, сгруппированных вокруг центрального стартового поля диаметром в два километра, покрытого высокопрочными керамическими плитами. А так как он предназначался для рискованных экспериментов с летающей космотехникой, все здания вокруг строились как хорошо защищённые купола высотой от десяти до двадцати метров. В одном из куполов находился центр управления полётами, зал контроля которого был упрятан под землю на глубину более тридцати метров, что позволяло ему не бояться даже атомных взрывов.

Полюбовавшись на корабль, стоящий в центре поля, со смотровой площадки ЦУПа, Пинь Сицзин спустился со своей немалой свитой в зал и так же, как его коллеги в Индии и Америке, занял кресло инспектирующего рядом с местом руководителя полётов, перед огромным десятиметровым экраном.

В отличие от кораблей, создаваемых в Соединённых Штатах, в Индии и Европе, новый корабль Китая походил на оплывшую к корме тройную ракету времён начала космоплавания высотой в сто пятьдесят метров. У него даже треугольные крылышки были, похожие на стабилизаторы, на всех трёх корпусах, хотя эти «стабилизаторы» на самом деле являлись антеннами разного рода генераторов и устройств. Кроме этих «крылышек» корабль был обвешан сотней выступов и видимых деталей и смотрелся внушительно, как стратегическая ракета с ядерной начинкой.

Впрочем, ни китайских конструкторов, ни руководителей космических служб Китая это не беспокоило. Главным для них было, чтобы этот аппарат летал в космосе с немислимой прежде скоростью и мог постоять за себя.

В центральном экране появилось отдельное окно, озарилось синеватым светом, и внутри него возникло лицо тайконавта, сидевшего в кресле, в защитном скафандре, но без шлема. Это был капитан корабля шансяо¹³ Гочжу Юйдаи.

– Господин Пинь, космический крейсер «Янгуанг Шангуо» к полёту готов! – затараторил он. – Разрешите от имени экипажа заверить родную партию, родное правительство и лично президента в нашей непоколебимой преданности делу Поднебесной и её народа! Мы выполним задание, чего бы нам это ни стоило!

– Верю, полковник, – кивнул Пинь Сицзин; у него было благодушное доброе лицо воспитателя детского сада, и он был очень похож на нынешнего президента Китая. – Докладывайте о любых препятствиях на пути нашего «Солнца», мы постараемся помочь.

Лицо капитана корабля не дрогнуло, хотя он наверняка подумал, что прийти на помощь коллеги не смогут, тем более – за миллиарды километров от Земли.

– Будем стараться, генерал!

Куратор старта повернул голову к начальнику полётов:

– Начинайте, генерал Ку.

По залу пронёсся ветерок лихорадочного возбуждения, заставляя операторов запуска взглядеться в приборные панели.

Окошко внутри экрана с капитаном исчезло.

Над космодромом взвыла сирена.

Пузатая «ракета» «Янгуанга Шангуо» беззвучно пошла в небо, словно это был надутый гелием шарик в форме корабля. В данный момент тягу создавал эгран космолёта, который не производил ни огня, ни грохота.

Вслед поднялись в воздух и корветы сопровождения, похожие издали на бескрылых птиц.

Через минуту корабль скрылся в ночном небе, свободном от облаков благодаря работе климатических корректоров.

Пинь Сицзин выкарабкался из кресла.

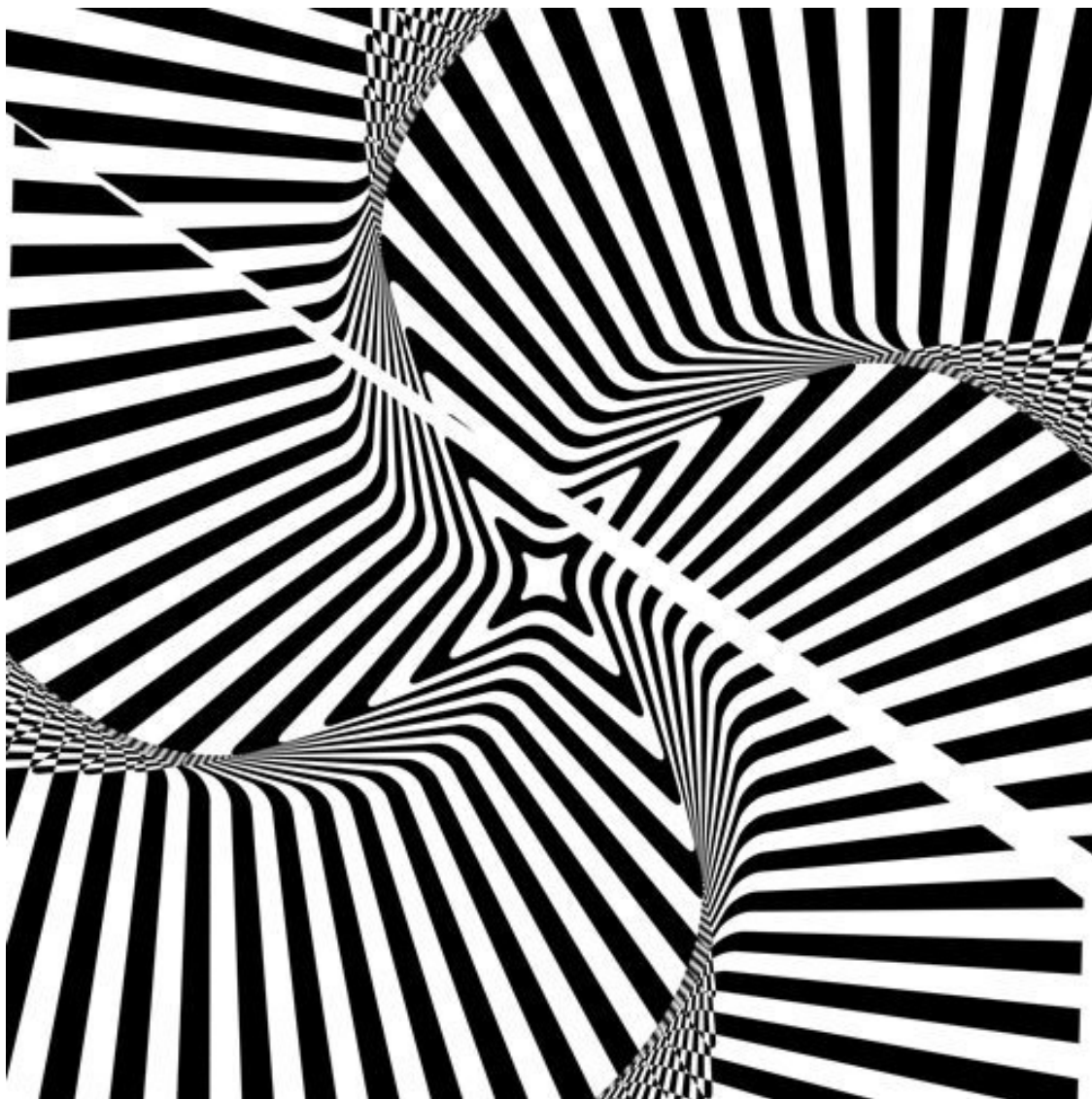
– Надеюсь, они справятся.

– Должны, господин Пинь! – торопливо сказал начальник космодрома.

---

¹³ Полковник (китайск).

Иллюстрация 5

Космодром Плесецка, обслуживающий большинство военных космических линий России, ни в чём не уступал аналогичным сооружениям других стран. А по воздушно-космической обороне превосходил даже знаменитые американские Канаверал и Бока Чика, так как был прикрыт зенитно-космическими комплексами «С-2000», способными сбивать любые ракеты и аппараты на любых скоростях вплоть до орбиты Луны. Однако никаких заведений для приятного времяпрепровождения экипажей космических челноков и военных судов он не имел. Для отдыха надо было добираться до Плесецка, где имелось всё необходимое для вернувшихся с космических вахт. И хотя транспортное сообщение космодрома с городом было великолепное и путь от ЦУПа до любого отеля не превышал шести-семи минут, Денис долго мучился, решая, не пригласить ли Аурику в ближайший ресторан. Но так и не решился на это. Тем более что Верник перед отлётом приказал ему слетать в Мурманск к деду и разузнать подробности контакта старшего Молодцова с Космической Китайской Стеной.

Скрепя сердце Денис отказался от намерения, взял с собой капитана Толю Тихонова, своего зама и помощника по работе в космосе, и полетел с ним в Мурманск, воспользовавшись «зелёным коридором», который ему предоставило командование. В распоряжение майора дали

тот же военный суперджет «семьдесят первый», на котором он летел из Крыма с Плесецк, и уже через час после вылета он выходил из штатного мобила МЧС на окраине Мурманска, у здания «Зелёный Арктик», в котором жил дед.

Были опасения, что самый старший Молодцов ещё не прилетел из Техаса, где довольно часто гостил с супругой Кэтрин, бабушкой Дениса. Но майор попросил информационную службу ВКС негласно найти местонахождение бывшего спасателя, и ему сообщили, что Денис Андреевич Молодцов находится на родине.

Оставили антиграв на парковке возле дома, двинулись к двухэтажному стилобату здания, возносящегося на высоту более ста метров. Пользуясь тем, что компьютер умного дома знал гостя в лицо и открыл дверь, не спрашивая, к кому он идёт, так как Денис не раз навещал деда, предупредить хозяина четырёхкомнатного жилого модуля не стали, поднялись на семнадцатый этаж.

Денис прервал спутника, делившегося впечатлениями от путешествия по Антарктиде, на треть освободившейся от льдов, приблизил лицо к двери, когда они вышли из галереи с лифтами.

– Открывай, Хаски.

Неизвестно, чем руководствовался старший Молодцов, называя домового Хаски, но к этому имени привыкли.

Дверь открылась. Гости вошли. Навстречу им из гостиной вышел седой крепкий старикан, одетый в зеленоватый узорчатый узбекский халат. Брови хозяина полезли на лоб.

– Боже ты мой! Денис! Вот уж не ждал.

Они обнялись.

Тихонов с любопытством понаблюдав за родственниками, покачал головой:

– Каждый раз поражаюсь, насколько вы похожи! За версту узнать можно.

– Каждый раз мы узнаём себя в наших детях и внуках, – хмыкнул старик, – но уже поздно об этом сожалеть.

Денис рассмеялся. Он любил шутливую манеру деда разговаривать.

– Уверен, ты не жалеешь, что я на тебя похож.

– Мог бы выбрать другую профессию.

– У меня был хороший пример.

Старший Молодцов отстранил младшего, посмотрел на капитана.

– По-моему, мы встречались.

– Год назад. Анатолий, можно просто Толя.

Они пожали друг другу руки.

– Проходите, я переоденусь.

Гости сняли обувь, прошли в просторную гостиную, по стенам которой были развешаны витейры – объёмные фотографии мест, посещённых Денисом Андреевичем. Это были в основном пейзажи, хотя изредка на фоне природы можно было увидеть и красивую молодую женщину – Кэтрин Бьюти-Джонс, жену хозяина квартиры.

Он появился через минуту, поменяв халат на домашний уник, напоминающий старинный охотничий костюм.

– Я здесь один, Катя прилетит послезавтра, поэтому угостить могу только чаем или кофе. Есть молдавское вино.

– Кофе, – сказал Денис, опускаясь на косматый белый диван, который он помнил ещё с юного возраста. – Вино побереги для другого случая. Ты мой вкус знаешь.

– С малескитом и лунлаймом.

– Чай, – сказал Анатолий, осторожно приманиваясь рядом, разглядывая «окна» витейров. – С чабрецом, если можно.

– Хаски.

– Понял, хозяин, – с достоинством ответил домовый.

– Вы были на Меркурии? – кивнул капитан на один из снимков, показывающих купол солнца с протуберанцами над горизонтом планеты.

– Где я только не был, – махнул рукой Денис Андреевич. – Разве что внутри самого Солнца. Да ещё, пожалуй, в поясе Койпера, откуда выперся Бич Божий.

– Вы уже знаете?

– Об этом все соцсети гудят.

– Мы как раз по данному поводу и заявили, – признался Денис. – Готовится экспедиция в Койпер, и, скорее всего, полетит моя группа. Ну и я, само собой.

Лицо старшего Молодцова осталось задумчиво-рассеянным.

– Я почему-то не сомневался в этом.

– История, как известно, периодически повторяется.

– История повторяется трижды, – проворчал старик. – Один раз как трагедия, и ещё пару раз – для тупых.

Тихонов фыркнул:

– Очень оптимистично, Денис Андреевич.

Денис снова засмеялся:

– Бывший спасатель знает, что говорит.

– Бывшими спасатели не бывают.

– Согласен.

В комнату бесшумно влетели два киб-антиграва, выглядевшие как ожившие тарелки с манипуляторами, расставили по столу кофейные и чайный приборы. Кибам было лет за пятнадцать, аппараты таких конфигураций давно не выпускали, Денис помнил их ещё с юности, но старший Молодцов не менял их принципиально. Хотя ретроградом себя не считал.

Начали смаковать напитки.

– Не хватает шоколада, – сказал Денис. – Бабушка обожает горький.

– Нету, внучек, доставкой я ещё не успел озаботиться.

– У меня знакомая – известный шоколатье, – сказал Анатолий. – Хотите, позвоню, нам пришлют.

– Нет времени.

Посидели с минуту.

– Хороший чай, – со знанием дела проговорил Анатолий: его родители жили в Абхазии и выращивали чай не менее качественный, чем индийские или китайские чаеводы. – Стимулирует не хуже электрического тока.

Денис Андреевич посмотрел на него с интересом:

– Ты стимулируешь себя электрическим током?

– Он непробиваем, как изолятор, – ухмыльнулся Денис. – Из всей моей команды Толя единственный, кто выдерживает до миллиона вольт.

– Да ладно. Что значит – выдерживает? Вас пытаются напряжением? Или вы сами прикалываетесь?

– Токковые испытания входят в программу подготовки космических спасателей. Очень часто приходится сталкиваться с коронным электричеством в условиях утечек в космосе. А вас разве не тренировали на сопротивляемость?

– Нас – нет.

– Не повезло, – засмеялся Денис. – Хотя приятного в этих тренингах, надо признаться, мало.

– Ладно, слушаю вас. Что вы хотите узнать от меня?

– Во-первых, что такое Бич Божий.

– С Бичом я не встречался.

– Ну, что такое Китайская Стена.

– Вам не дали всей информации?

– Просмотрели все сохранившиеся записи, но так и не поняли, что это за объект. Учёные общаются на своём тарабарском языке, им всё понятно. Утверждают, что Космическая Китайская Стена и Бич Божий – одно и то же.

– Тогда я вас огорчу, я тоже не знаю.

– Но ведь ты летал к этой штуковине.

– Прощу отнестись к «этой штуковине» со всей серьёзностью. Нам едва удалось избежать падения на неё. Массой она обладает большей, чем Земля, так что сила гравитации запросто может сыграть с вами злую шутку.

– Вы летали на первых эгронах, нынче их тяга намного больше. Да и основной движок – не жидкостный ракетный двигатель, нечто невероятное по словам создателей.

– Ну, если есть время, слушайте. Стена, естественно, стеной не является. Это такая длинная макаронина диаметром с атом и длиной с диаметр Марса, на которую налипла масса всякой пыли и грязи.

– Мы видели снимки.

– Вы видели записи, а мы чувствовали воздействие Стены на своей шкуре, как говорится. Мало того что эта макаронина притягивает любой объект не слабее планеты, так ещё вблизи неё проявляются странные эффекты.

– Нелинейная гравитация, – сказал Тихонов.

Денис Андреевич посмотрел на него, прищурясь:

– Так вы всё знаете, чего мне языком чесать.

– Извините, – сконфузился капитан.

– Что вы успели разглядеть? – поспешил на выручку помощника Денис. – Чего нет в записях?

Старик допил свой кофе, проследил, как кибы уносят чашки и блюда.

– Жаль, что у нас не было возможности сопровождать Стену, она летела слишком быстро для наших машин. Что успели, то и записали. Но это очень необычный объект, со всех точек зрения, поверьте мне. Для учёных – как подтверждение их теоретических построений, хотя никто из физиков так и не смог объяснить, почему кольцевые суперструны, или суперстринги, как их называют чаще, начали разворачиваться во время инфляционного расширения Вселенной, превращаясь в длинные сверхмассивные нити. Для коммуникаторов – как возможная база для контакта с инопланетными исследователями струн. Для практиков, особенно военных, как кладбище.

– Как что? – удивился Анатолий.

– Кладбище погибших кораблей. Старые романы наших классиков не читаете? В двадцатом веке жил такой писатель – Александр Беляев, написавший роман «Остров погибших кораблей». Он имел в виду парусные суда, заплывшие в Саргассово море и оставшиеся там навечно. Но аналогия прямая. Стена путешествовала в космосе тринадцать с лишним миллиардов лет и пролетела через множество галактик, обитатели которых наверняка попытались изучить сей феномен. Их корабли могли не справиться с силой тяготения струны и разбиться. К тому же струна могла при той скорости разнести вдребадан не одну попавшуюся на пути планету, обломки которой тоже осели на макаронину. Мы в своё время спаслись чудом, объединив усилия двух кораблей. Представляете, что можно обнаружить, прогулявшись вдоль струны?

Денис и Анатолий переглянулись.

– Если дело обстоит таким образом, – сказал капитан, – то я уверен, что к Бичу отправимся не только мы.

Денис кивнул, обдумывая слова деда. Вспомнил глаза Аурики, в которых сквозил некий странный интерес к нему, словно командир корабля, предназначенного открыть тайны Бича

Божьего, сомневалась в компетенции Молодцова. Снова пришло на ум: история повторяется. Дед нашёл свою суженую за пределами Земли, и его внуку дали шанс. Грех будет не воспользоваться?

– Американцы уже не те, что были раньше, – понял по-своему его задумчивость Молодцов-старший, – с ними можно дружить, а вот наши соседи, потомки драконов, после того как вышли в лидеры и поменяли клан президента, словно с цепи сорвались. С ними надо держать ухо востро.

– Ничего, мы уже сталкивались с ними в ближнем космосе, – сказал Денис, – они неплохие ребята, хотя стоит зазеваться – норовят присвоить всё, что плохо лежит.

– Самое главное, что они никогда не лягут грудью на амбразуру, – сказал Анатолий, – чтобы спасти своих же товарищей. А мы можем.

– Вот грудью на амбразуру не надо, – поморщился Денис Андреевич. – Не хватало ещё с китайцами соревноваться в этом отношении. Просто оглядывайтесь, если будете иметь с ними дело. Они стопроцентно пошлют к Бичу свою команду. Всем хочется занять суперструну в качестве трофея. Только если, как кричат СМИ, Бич действительно настолько велик, бед он может наделать в Системе неисчислимо количество.

– Узнаем, для того и летим. Подскажи, если есть идеи, как к нему пристыковаться.

– Думаю, в этом проблем не будет, если у вас имеются классные драйверы и соответствующие мощности. Но сюрпризов опасайтесь, не рискуйте понапрасну. Ещё кофе?

– Нет, спасибо, – отказался Денис. – Обещаю не рисковать. Мне тоже кажется, что главное начнётся, когда Бич вторгнется в пределы Системы. Ещё нет точных данных, наткнётся он на какую-нибудь планету или нет.

– Главное, чтобы прошёл мимо Земли, – сказал Анатолий.

Денис встал:

– Уходим, Толя, нет времени расслаиваться. Дед, благодарим за консультацию, я тебя понял.

Денис Андреевич проводил гостей до двери, задержал внука, понизил голос:

– Ты перестал делиться со мной новостями личной жизни.

– Прости, дед, – смутился Денис. – Разберусь с Бичом и подъеду, поговорим обо всём.

– Часом, не женился? Никого не осчастливил?

– Не тороплюсь, – расплылся в улыбке майор. – Кого хочу я осчастливить, тому уже спасенья нет.

– Но хоть кандидатура имеется?

Перед глазами засияли глаза Аурики, полные света... и сомнений, вспомнилось, как её руки обнимали его талию, когда они плыли на доске фойлборда к берегу.

– Она ещё не знает.

– Кто, если не секрет?

– Аурика Ветрова, – неожиданно признался он. – Полковник. Испытатель космотехники первого класса.

Помолчав пару мгновений, добавил:

– Капитан нашего фрегата «Енисей», на котором мы пойдём к Койперу.

Брови Молодцова-старшего сошлись.

Денис не выдержал, засмеялся, прижал старика к себе и поспешил к лифту, крикнув на прощанье:

– До встречи, дед.

* * *

Командующий ВКС, прибывший на космодром перед стартом, был краток:

– По нашим данным, партнёры уже опередили нас, выслав экспедиции к Бичу Божьему. За орбитой Луны зафиксированы «судороги» пространства, означающие применение скак-технологий. В глубокий космос отправлены машины американцев, китайцев и индийцев.

– Индийцев? – недоверчиво спросил начальник НЦЭОК.

– Почему это вас удивляет, Семён Сергеевич? Индия имеет прекрасную технологическую базу... благодаря кооперации с нами. Об американцах говорить не приходится, их военный бюджет позволяет покупать любые технологии и любых специалистов. В их космических корпорациях работают десятки наших учёных и инженеров. Китайцы же просто...

– Воруют, – тихо подсказал кто-то.

Совещание экипажа «Енисея», научной группы и команды Дениса происходило в здании ЦУПа, и кроме членов экспедиции и командующего ВКС на нём присутствовали только высокопоставленные руководители космической обороны: генералы Стогов, Каминский и Сароян и полковник Верник.

Бояринов пожевал губами, отыскивая глазами шутника, оглядел всех косменов тёмными запавшими глазами, но комментировать реплику не стал.

– Обстановку вы знаете. Натиск на Россию со стороны США ослаб, но конкурентов меньше не стало. Хорошо ещё, террористы не завладели кряк-технологиями. Помните, что вы служите России. Вопросы есть?

По небольшому помещению рабочего модуля начальника НЦЭОК растеклось молчание.

– Вопросов нет, – удовлетворённо проговорил Бояринов, заканчивая напутствие.

Штатный космодромный мобил доставил всех к космолёту.

Вышли на стартовой башенке деловитой гурьбой, невольно оглядываясь на заснеженные поля и леса вокруг гладкого серого поля космодрома. Выглянуло солнце.

Один из членов экипажа, оператор вспомогательных систем по имени Пятрас (все звали его проще – Петя), заявил:

– Как хорошо нас провожает природа!

– Романтик ты наш, – похлопал его по спине старпом корабля Илья, проходя в люк первым. Опытный навигатор, ставший правой рукой Аурики, не обрадовался, узнав, что экспедицией будет командовать Денис, и, судя по настроению, он уже ревновал его к Ветровой.

Команда скрылась внутри тамбура, люк закрылся.

Провожжающие вернулись на борт мобила. Катер взлетел.

Стал виден весь корабль.

В отличие от кораблей эпохи ракетного космоплавания, диктовавшей форму для всех аппаратов, прорывающихся сквозь атмосферу Земли, нынешние космолёты могли принимать любую геометрическую конфигурацию, так как им не нужно было снижать трение, придавая корпусам обтекаемость. Поэтому строились машины пространства согласно функциональной необходимости и требованиям безопасности для экипажа, из-за чего даже военные фрегаты и крейсера разных стран отличались порой разительно.

Параметрическая или алгоритмическая архитектура, как её называли постмодернисты ещё полста лет назад, возникла как естественное эволюционное течение цифровых технологий и проникла во все сферы жизни. Она сочетала в себе красоту геометрических линий, топологических переходов и совершенство произведений искусства.

«Енисей» больше всего походил на творение архитектора-авангардиста. Его конструкторы использовали для построения корпуса так называемую диаграмму Вороного, допускающую разбиение пространственного объёма таким образом, что каждая область этого разбиения образует множество фрактальных элементов, более близких к одному из элементов множества, чем к любому другому. Поэтому корабль являлся кристаллическим компактом, соединяющим в себе ранее несочетаемые фигуры. В разных ракурсах он виделся иным, то как хищная птица, то как туша дельфина, то как невероятное сочетание живых тел. Ничего лишнего, плавные

обводы и перетекание форм, все эффекторы, антенны и оружие упрятаны в корпус, но как же величественно смотрелась эта «птица», внушая восхищение и уважение!

– Красиво! – не удержался от восклицания Каминский.

– Ни пуха ни пера! – произнёс вслух Стогов, ни к кому особо не обращаясь.

Мобил унёс провожающих к зданию ЦУПа на краю космодрома.

Ждали четверть часа.

Наконец «Енисей» включил гравитационные компенсаторы и плавно воспарил над серым полем, словно невесомый воздушный шарик или голографический пузырь. Повисев несколько секунд на высоте сотни метров, он покрылся сеточкой молний и исчез!

– Он что, сразу провалился в «трещину»? – осведомился Бояринов, отлично знавший, что происходит.

– Всего лишь включил режим «инкогнито», – пояснил Верник, который тоже знал, что командующий ВКС знает о причинах исчезновения космолёта. – В «трещину» он нырнёт за орбитой Луны, в пустом космосе. Можем понаблюдать за его манипуляциями в зале.

Командующий ВКС молча направился к ЦУПу.

* * *

Лифт вмещал пять человек, поэтому каждая группа экспедиции добиралась до рубки управления по очереди: первыми – члены экипажа, затем учёные под руководством Велемира Мартовича Шестопала, доктора физико-математических наук, и последними – Денис и двое офицеров его группы; руководство НЦЭОК решило не посылать всю его команду, так как в этом не было прямой необходимости. Летели не спасать кого-то, а разобраться в происходящем на задворках Солнечной системы.

Центральный отсек «Енисея» представлял собой сферу диаметром в двадцать метров и делился не как этажи земного здания, а слоями матрёшки, разбитыми в свою очередь на «апельсиновые дольки». Каждый слой имел своё функциональное назначение. Всего слоёв, обнимающих собственно центр управления, называемый в просторечии бункером, было четыре: бытовой, технический, медицинский и защитный.

В рубке-бункере, разделённом консолями и силовыми шпангоутами, располагались кресла-модули, укреплённые в половых нишах вокруг колонны информационного контроля таким образом, что все видели друг друга и капитана. Всего модулей было пять.

Так как при конструировании корабля с крякгеном никто не знал, как будет влиять на людей прыжок в «трещину пространства» и выход из неё, кресла создавались как своеобразные реанимационные комплексы и напоминали сложные «соты» с прозрачными колпаками. При необходимости каждое из них выстреливалось наружу и могло поддерживать космонавта сутки без внешней энергоподпитки.

Обнимающий рубку технический слой делился на модули, всего их было двенадцать, и в каждом из них могли расположиться по двое пассажиров или технических специалистов разного назначения. Кресла и для них были выполнены как камеры защиты, хотя и без коммуникационно-навигационного оборудования. Только командир особой группы имел возможность вмешаться в работу экипажа, управляя всеми системами корабля после включения особого протокола «экстремального выживания», которому обязан был подчиняться и капитан корабля, и его компьютер, названный Егорычем.

Денис после знакомства с «Енисеем» поинтересовался у Верника, почему кванком корабля получил такое забавное имя, и полковник ответил:

– Воспитатель-программист кванкома – Егор Селезнёв, вот ему и дали имя Егорыч. Сначала хотели назвать по фамилии – Селезень.

Денис улыбнулся. Нынешние квантовые компьютеры, интеллект которых зачастую превышал человеческий (способность производить сверхскоростные вычисления не в счёт), буквально выращивались как кристаллы и воспитывались программистами, нередко перенимая их манеру общения. Для последних они, по сути, являлись детьми.

Экипаж скрылся в рубке.

Денис и Анатолий Тихонов начали было устраиваться в своём рабочем модуле, когда к ним неожиданно вышла Аурика, одетая как и все члены экспедиции в серебристый компенсационный костюм, называемый на жаргоне косменов «кокосом».

– Майор, выйдем на минутку.

Денис уловил косой усмешливый взгляд Анатолия, но удивление скрыл.

Они вышли в кольцевой коридор, опоясывающий модули технического отсека.

– Идёмте в вашу каюту.

Денис молча повиновался.

Дошли до бытового слоя, дверь отсека скользнула в пол, не дожидаясь команды людей, закрылась за ними. Так же точно открылась дверь каюты Дениса.

Кабюта представляла собой стандартный узел жизнеобеспечения со всеми удобствами: куб со стороной в три метра. В нём имелось всё необходимое для проживания человека, включая запас пищи и воды, киб-аккумуляторы, медицинский сканер и компьютерное сопровождение.

– Слушаю вас, товарищ полковник, – проговорил Денис официальным тоном.

– Денис Ерофеевич, давайте договоримся, – сказала женщина не менее официально. – Что было в Крыму – осталось за бортом корабля.

– Так ничего и не было, – озадаченно пожал он плечами.

– Иногда вы проявляете ко мне... – она прикусила губу, искала слово, – не совсем здоровый интерес.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.